

ТЭСС ДАЙМОНД

МОЯ ПРЕЛЕСТНАЯ ДЕВОЧКА

Such A Pretty Girl

18+

Ставки настолько высоки, что напряжение нарастает с каждой секундой...

Лучший полицейский роман по версии читателей «Romantic Times»

Ты следующая: одержимость и страх

Тэсс Даймонд

Моя прелестная девочка

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.121.1
ББК 84(7Сое)-44

Даймонд Т.

Моя прелестная девочка / Т. Даймонд — «Эксмо», 2017 — (Ты следующая: одержимость и страх)

ISBN 978-5-04-112409-0

Профайлер Грейс Синклер – идеальна: сногшибательная красавица, богатая наследница, талантливая писательница и одна из самых блестящих сотрудниц ФБР. Но мужчин в свою жизнь она пускает очень неохотно после того, как много лет назад столкнулась с чудовищем... И теперь ей придется столкнуться с ним вновь. Кто-то одну за другой убивает успешных красивых женщин. Вскоре становится понятно, что убийца хочет передать послание, и адресат этого послания – она, Грейс... Сможет ли она уберечь от грозной тени прошлого своих близких? И поможет ли ей в этом ее новый коллега – обворожительный мужественный Гэвин Уолкер, с которым она однажды провела ночь? Ведь, кажется, он сам становится ей слишком близок...

УДК 821.121.1
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-112409-0

© Даймонд Т., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Благодарности	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тэсс Даймонд

Моя прелестная девочка

Моей матери, которая научила меня читать детективы

Tess Diamond
SUCH A PRETTY GIRL

Copyright © 2017 by Supernova, LLC Published by arrangement with Avon, an imprint of
HarperCollins Publishers

© Паршина А., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Благодарности

Для книги их нужно немало...

Спасибо Тессе Вудворд; Эль Кек и Норин Лай; моему агенту Ребекке Фридман; а также моему мужу и детям за то, что играли на улице, пока я заканчивала эту книгу.

* * *

– Ты красивая, – ответил он, потому что ее смелость и страстность вызвали в нем желание быть предельно искренним с ней. – То есть ты должна знать об этом.

– Я знаю, – сказала она, и в любое другое время эта сухая констатация факта вызвала бы у него улыбку. Она слышала это сотни раз, он был уверен. Всю ее жизнь мужчины говорили, что она красива, и она была достаточно умна, чтобы понимать, что значит ее красота, как она меняет восприятие людей в лучшую или худшую сторону.

– Но вот здесь. – Он надавил пальцами на ее ключицу, его ладонь легла на ее грудь, против ее сердца. Он дотронулся до ее лба, следуя за изящным изгибом брови. – И здесь. – Его пальцы легко коснулись ее виска. – Куда более волнующая.

И вот тогда Грейс, верная себе, чертовски сильно удивила его. Потому что вместо того, чтобы поднять его на смех, уйти или отшутиться, она откинула голову назад и поцеловала его.

Глава 1

– Минут через пятнадцать будем на месте.

Грейс Синклер взглянула на водителя через стеклянную перегородку в салоне лимузина. Она посмотрела время на телефоне и вздохнула с облегчением. Она ненавидела опаздывать.

– Спасибо, – сказала Грейс, опустив телефон в винтажный клатч от «Прада».

– На какое мероприятие едете? – спросил водитель. Это был черноволосый мужчина средних лет с темными глазами, которые загорелись, когда она спускалась по лестнице своего особняка навстречу ему сегодня вечером. – Похоже, что-то изысканное?

Они направлялись к Музею Хиршхорна и Саду скульптур, которые стали сегодня не только местом собрания великих произведений искусства, но и местом проведения престижного мероприятия для высшего общества Вашингтона.

– Церемония награждения, – ответила Грейс.

– Вашего? – спросил водитель. – Роскошно выглядите.

Грейс обвела взглядом свое шелковое облегающее платье. Серебристая ткань обтягивала изгибы ее тела, будто вторая кожа, отлитая из металла, оставляя воображению все – и в то же время ничего.

– Моя вторая книга получила премию Каллахана, – сказала Грейс, в то время как лимузин нырнул в тесный поток машин.

В зеркале заднего вида Грейс заметила, как водитель вздернул брови.

– Вы что, писатель?

Она кивнула.

– Но это не мое основное занятие, – объяснила Грейс. – Я работаю на ФБР.

– ФБР? – Он присвистнул, тихо и недоверчиво. – Но вы ведь не гоняетесь за преступниками? Вы такая красавица – вы можете пострадать.

У Грейс волосы на затылке встали дыбом от раздражения, когда он засмеялся, чересчур громко и слишком медленно. Она была женственной, это правда, но у нее был чертовски сильный удар – в этом она убедилась.

– На вашем месте я бы больше беспокоилась, как бы преступники не пострадали, – сказала она. – Я профайлер.

– Как в кино? – спросил водитель с издевкой, ясно читавшейся в его кривой усмешке.

Грейс улыбнулась, но он не заметил, каким хищным был этот оскал.

– Именно, – ответила она холодно.

Она сосредоточилась. Ее взгляд скользнул по лицу водителя и остановился на мятых обертках от мороженого в мусорной корзине у пассажирского сиденья.

Она была далека от Шерлока Холмса: создать характеристику было намного сложнее, чем изучить грязь под ногтями собеседника и путем дедукции прийти к выводу, что он сегодня сажал циннии. Но это и не какой-то фокус: дело в простом беспристрастном изучении объекта и капельке хитрости.

Здесь суть была в деталях и знаниях. В психологии и поведении. Во внимании к намекам и уликам, материальным и словесным. Не в том, чтобы попросту заметить подобные признаки, но быть способным опознать их. Проанализировать. Соединить в цельный портрет личности.

Ее водитель был, вероятно, младшим в семье. В вечных попытках доказать свою значимость. Он считал, что чем ты громче, тем ты лучше, поскольку это было единственным способом привлечь к себе внимание. По всей видимости, плохие отношения с родителями, особенно с матерью, привели к недоразвитию его собственных отцовских качеств. То, как он стиснул руль, раздражение, сквозившее в линии его плеч, пока он маневрировал в ночном

потоке машин, ясно говорило ей, что он ненавидит свою работу, равно как презирает своих пассажиров.

Люди вежливые и приятные сказали бы, что ее водитель – человек старомодных идеалов. В его больших глазах, блуждавших по ее обтягивающему платью, было явное влечение, но также и тень наскоро подавленного отвращения. Его наполненное скрытой агрессией замечание о ее внешности позволило ему почувствовать себя крутым парнем, в чем он несомненно отчаянно нуждался с того момента, как пытался заесть стресс.

Она перевела взгляд на его левую руку, туда, где должно быть обручальное кольцо. Полоска незагорелой кожи выдала его с головой. Она бы поставила все свои деньги на то, что причиной была неверность – с его стороны. Он не уважал женщин. Он считал их низшей расой, женщина у власти вызывала у него беспокойство и чувство неполноценности. Он был из тех мужчин, что считают, будто женщина что-то должна им, кто испытывает одновременно презрение и вождление к противоположному полу.

«Это к лучшему для его бывшей, что она сбежала», – не без удовлетворения подумала Грейс. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на мужчину, который неспособен оценить женщину по достоинству.

Водитель остановился перед музеем. Грейс дождалась, пока он выпрыгнет из машины и подойдет, чтобы открыть ей дверь. Проигнорировав предложенную им руку, она вышла из машины сама и направилась к громадному круглому серому зданию.

– Да, к слову, – сказала она. Он развернулся, очевидно, ожидая вознаграждения. Так что она не осталась в долгу: – Если хотите вернуть жену, вам лучше завязать с нервным перееданием. Но едва ли она пустит вас обратно после интрижки... с кем? Со стриптизершей? Нет, с девушкой из эротического видеочата. Я права?

Его красное лицо – он, несомненно, перебирал с выпивкой – побелело.

– Что за?..

Грейс улыбнулась и с загадочным видом постучала пальцем по виску.

– Прямо как в кино, – сказала она и зашагала по дорожке, ведущей к музею.

Хиршхорн и сам был произведением искусства. Взгромоздившееся на четыре опоры впечатляющее здание в форме кольца с великолепной площадью в центре хранило одни из самых прославленных произведений современного искусства. Однако находившийся на его территории Сад скульптур был для нее самой излюбленной из всех музейных коллекций.

Она предъявила билет и прошла в сад, длинный подол платья колыхался у нее за спиной. Одетые с иголочки гости уже прогуливались среди скульптур. Нежные звуки Моцарта – струнный квартет исполнял менуэт – разносились по саду, а официанты кружили, держа в руках подносы с закусками и шампанским.

Она пригладила корону замысловато свитых кос, в которые она старательно заплела свои длинные, достающие до пояса волосы, и попыталась изобразить искреннюю улыбку. Это был ее мир – тот, в котором завоевали себе место ее родители; тот, в котором она родилась. Сверкающий, прекрасный, образованный, изысканный. Ей всегда твердили, что она его часть – расхваленная домашними учителями, затем преподавателями частной школы и, наконец, выдающимися университетскими профессорами.

Ее готовили к тому, чтобы она прославила имя Синклеров. Продолжила благородную традицию благосостояния, привилегий и власти. Ее мать была светской дамой, но Грейс была единственным ребенком, а это значило, что провести жизнь на балах дебютанток, повиснув на руке какого-нибудь политика, было для нее не вариантом. Ее отец не хотел бы, чтобы его единственная наследница ограничилась подобными стремлениями.

У нее было более высокое предназначение. Она была рождена, чтобы стать безупречной марионеткой отца, делать то, что ей говорят, преуспеть на том поприще, которое он посчитает правильным, и быть безупречной Синклер.

На нее оказывалось сокрушительное давление, и ей так не хватало родительской любви. Грейс думала, что сможет подчиниться воле отца, но она всегда была своенравной. Ее манил другой мир, бросивший ей иной, более мрачный вызов – разум преступника.

Мать испугал ее карьерный выбор. Отец был в тихом гневе, что было ему свойственно. Но стремление узнать, понять и дойти до сути было слишком сильно, чтобы не поддаться ему. ФБР заметило ее еще на втором курсе колледжа и завербовало сразу после выпуска.

Куантико превзошел ее самые смелые мечты и ожидания. Она выпустилась одной из лучших на курсе и стала подниматься по карьерной лестнице в Бюро. Спустя год работы ей пришлось охотиться за серийным убийцей, который заметал следы, обставляя свои преступления как самоубийства. Это было одно из тех дел, что пробирают до костей и запоминаются на всю жизнь. Вечерами, в одиночестве номера мотеля, ей с трудом удавалось выбросить из головы ужасающие образы жертв. Ей было нужно какое-то отдохновение, и она нашла его в писательстве. Каждую ночь она садилась за компьютер и забывалась за описанием приключений агента Рэйчел Джейн.

Написание книг давало ей подобие контроля над человеческими судьбами – то, что ей не всегда удавалось найти в реальной жизни. В придуманном ею мире плохие парни всегда проигрывали, хорошие – побеждали, а сексуальный партнер главной героини, агент Мэттьюс, был неизменно нежен и предан.

«Ничего общего с действительностью, совершенно ничего», – с печальной веселостью думала Грейс. Но было утешением с головой погрузиться в создание мира, где есть только черное и белое, ведь в реальном мире она видела лишь оттенки серого. Первая в серии книга стала бестселлером, за вторую была присуждена премия. Третий роман, законченный прошлым летом, сразу оказался на верхушке рейтинга и продержался там на протяжении многих недель. К ужасу издателя, Грейс до сих пор не начала следующую книгу – она была сосредоточена на настоящем мире и самых что ни на есть настоящих преступниках.

– Грейс, – оклик отвлек ее от воспоминаний. Она обернулась, и ее лицо осветилось улыбкой, когда она увидела светловолосую женщину, пробиравшуюся к ней через толпу.

– Мэгги! – Грейс протянула руки, чтобы обнять ее. – Дай взгляну на тебя, – сказала она. – Бог мой! – воскликнула Грейс. Держа подругу за плечи, она восторженно улыбалась. Темно-фиолетовое платье от Гуччи, которое она убедил Мэгги купить, было настоящей бомбой. – Выглядишь великолепно!

– Все благодаря тебе, – с улыбкой ответила Мэгги. Это была миниатюрная женщина, с пышной копной светлых кудрей, обрамляющих лицо, напоминающее по форме сердце. Шелк насыщенного фиолетового цвета удачно оттенял синеву ее глаз, а глубокий треугольный вырез подчеркивал изгибы груди и ключиц. Единственным украшением на ней был винтажный браслет с подвесками – подарок Грейс на прошлое Рождество.

– Твой гардероб так же скучен, как те унылые бежевые кварталы однотипной застройки, – пожалала плечами Грейс. – Кто-то должен показать тебе все оттенки цветового круга – и это также могу быть я.

– Что ж, насчет этого платья ты была права, – сказала Мэгги. – Пока собиралась, я говорила по скайпу с Джейком, и мне казалось, что он выпрыгнет из экрана.

Грейс засмеялась над картиной, которую нарисовало ее воображение. Мужчина, с которым встречалась Мэгги, был настоящим атлетом. Ветеран спецназа, абсолютно безбашенный, он просто отлично подходил организованной и уравновешенной по натуре Мэгги. Уже давно Грейс не видела свою подругу такой счастливой в отношениях.

– Как он?

– Хорошо, – ответила Мэгги. – Просил передать поздравления. И извинялся, что не может поздравить тебя лично.

– Он еще долго пробудет в Калифорнии?

– Неделю или две.

– Держу пари, ты скучаешь по нему.

Мэгги улыбнулась легкой и доверительной улыбкой.

– Может быть, – сказала она. – В любом случае довольно обо мне. Это твой вечер! Хотя думаю, тебе уже наскучили все эти премии и вручения.

– Вот еще, – ответила Грейс, задрав нос с таким важным видом, что Мэгги усмехнулась. – Ты же знаешь, как я люблю выигрывать. Я лишь хотела бы избежать всех формальностей и торжеств.

– Но ведь ты любишь наряжаться, – сказала Мэгги.

– Не знаю, – пожалала плечами Грейс. – Чем старше я становлюсь... – Тут Мэгги, которая была на два года старше, фыркнула, но Грейс лишь улыбнулась и продолжила: – Я просто... Я чувствую, будто что-то упускаю... И это не отношения, – торопливо добавила она, так как Мэгги уже было открыла рот. – Я современная женщина. Я не нуждаюсь в спутнике, чтобы чувствовать себя полноценной.

– Нуждаться и желать – большая разница, – сказала Мэгги. – Хотеть, чтобы в твоей жизни был мужчина – это нормально.

Оптимизм в голосе Мэгги вызвал у Грейс улыбку. Она была так рада, что ее подруга встретила Джейка. Отношения с ним изменили Мэгги в лучшую сторону.

Но и Грейс однажды изменилась под влиянием мужчины. Лишь однажды. И это не пошло ей на пользу.

Наоборот, это стало уроком, который ей никогда не забыть. Это разбило ей сердце, и даже сейчас, спустя столько лет, ей казалось, что она все еще с трудом собирает его по крупичкам. Такой чудовищной катастрофы она не пожелала бы и злейшему врагу. И она поклялась сама себе, что никогда больше не станет настолько уязвимой и не допустит ни с кем такой близости.

И когда дело касалось мужчин, она придерживалась строгих правил: не давать им привязываться к себе – о том, чтобы испытать привязанность самой, не могло быть и речи, – никогда не позволять им оставаться до утра и никогда, ни за что не спать ни с кем дважды.

Это было ясно. Четко. Последовательно. Ей нравилось так жить. Ей *приходилось* так жить, потому что это было безопаснее.

– Эта леди не желает мужчины и не нуждается в нем. – Грейс категорически замотала головой. – Не сейчас. В любом случае это глупо. Мне просто нужно новое дело. Что-нибудь запутанное, чтобы уйти с головой. Турне длилось всего три недели, но у меня до сих пор болит лицо от постоянных улыбок.

За беседой женщины зашли в глубь Сада скульптур, грациозно лавируя между статуями и людьми.

– Я здесь впервые, – заметила Мэгги, когда они проходили мимо ярко-красной абстрактной композиции, в которой явно читалось влияние раннего кубизма. – Производит сильное впечатление.

– Это поразительная коллекция, – согласилась Грейс. – Здесь хранятся некоторые из моих самых любимых произведений искусства.

– Ты видела ту скульптуру, что похожа на связку труб, подвешенную в воздухе? – спросила Мэгги, указывая куда-то за спину.

– Это «Игольная башня» Кеннета Снельсона, – ответила Грейс. – Тебе не нравится?

– Думаю, что современное искусство несколько за гранью моего понимания, – со смехом призналась Мэгги.

– Вздор! – у них за спиной раздался глубокий мужской голос.

– Фрэнк!

Невысокий седой мужчина с оплывшим, как у бульдога, лицом подошел к ним. Мэгги улыбнулась и подалась вперед, чтобы обнять его. Фрэнк Эденхерст, вечно помятый, уже развязал галстук-бабочку, оба конца которого теперь свободно свисали.

– Можем ли мы звать тебя мистером помощником директора? – спросила Грейс. Фрэнк недавно получил повышение в Бюро после ужасающего дела, связанного с похищением дочери сенатора. Именно он сумел вернуть Мэгги обратно в ряды сотрудников ФБР, и Грейс никогда этого не забудет. На работе ей не хватало Мэгги, она всегда была самым ценным сотрудником, в какой бы команде ни работала.

– Только если хотите втереться ко мне в доверие, – пошутил Фрэнк, и его невзрачная физиономия озарилась ослепительной улыбкой, показавшей, что, в сущности, он славный мальчик. – Мои поздравления, Грейс. Это немалое достижение.

– Спасибо, – ответила она.

– Мы очень ею гордимся, не правда ли? – спросила Мэгги, обняв Грейс за плечи.

– Чертовски верно, – откликнулся Фрэнк. – Как продвигается то дело в Делавэре? – обратился он к Мэгги.

– Какое-то время ситуация была критической, – сказала Мэгги. – Разве ты не читал мой отчет?

– Зачем мне это делать, если ты можешь просто рассказать, что случилось? – спросил Фрэнк.

Грейс засмеялась и покачала головой. Фрэнк славился ненавистью к канцелярской работе.

– Оставлю вас наедине, – сказала она. – Все равно мой издатель пытается привлечь мое внимание, – добавила Грейс, поймав взгляд мужчины, который махал ей из-за бронзовых скульптур. Они кивнули и погрузились в разговор, а Грейс тем временем зашагала по пересекавшей сад дорожке, но ее задержала пара политиков, которых она знала по светским приемам родителей.

– Поздравляем, Грейс, – сказал сенатор Клири, седовласый мужчина, давний друг ее отца.

– Спасибо, сенатор, – ответила она. Клири был себялюбив, он никогда не мог устоять перед искушением взглянуть на себя, проходя мимо зеркала. Для Грейс было само собой разумеющимся вынести из этого выгоду. – Должна сказать, вы сегодня выглядите очень эффектно.

– Вы чересчур добры к такому старику, как я, – сказал он, но явно несколько приободренный ее добродушной лестью.

– Здравствуйтесь, конгрессмен. – Грейс кивнула его светловолосому собеседнику: типичный выходец со Среднего Запада, убежденный демократ старой закалки, семейный человек из Айовы, всегда готовый постоять за свои идеалы. Грейс была удивлена, что ему удалось протянуть в Вашингтоне так долго. – Как близнецы?

– Рвут всех на поле в Айове, – с гордостью произнес конгрессмен.

– Вперед, Циклоны! – Грейс обезоруживающе подмигнула и была вознаграждена широкой улыбкой. – А сейчас, джентльмены, я должна покинуть вас. Долг зовет.

– Передавай от меня привет отцу, – сказал сенатор.

– Непременно, – кивнула Грейс, коротко улыбнувшись через плечо, хотя на самом деле не помнила, когда в последний раз разговаривала с отцом, не говоря уже о том, чтобы видеться с ним лично. Шесть месяцев назад? Семь?

Ей удалось пересечь сад без новых препятствий. Джонатан Эймс ждал ее у скульптурной группы Родена, этого чуждого условностям француза XIX века, чей чувственный, грубовытесанный стиль бросил вызов безукоризненному совершенству той эпохи.

– Дорогая. – Джонатан Эймс протянул к Грейс обе руки и порывисто поцеловал сначала в одну щеку, затем в другую. Его великолепный, серовато-зеленый смокинг мог бы показаться слишком броским и неуместным среди традиционных черных костюмов, однако с помощью

яркой, нестандартной харизмы самого Эймса он смотрелся выигрышно. – Моя суперзвезда. – Глядя на Грейс, он расплылся в лучезарной улыбке. – Как бы я хотел, чтобы ты бросила эту отвратительную работу в ФБР и посвятила все свое время написанию книг для меня. Подумай о наградах, которые бы ты выиграла! О деньгах! Подумай об отсутствии опасности в твоей жизни! Я умоляю тебя!

Грейс добродушно закатила глаза, глядя на этот эффектный спектакль. Из-за чрезмерного энтузиазма Джонатана она едва было не отказалась от выбора в пользу его издательства, когда спрос на ее книгу превратился в аукцион с участием четырех издателей. Она сомневалась, может ли кто-то, настолько жизнерадостный и помпезный, понять всю темноту ее мира. Но она быстро поняла, что за внешней эффектностью скрывалась серьезность и страстная увлеченность. И когда Джонатан направлял свой пылкий энтузиазм на работу и на то, что создавали его авторы, происходило невероятное. Ее первая книга продержалась двадцать недель в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс», вторая – вдвое дольше. Третья вышла всего пару месяцев назад. Грейс была вынуждена отговорить Джонатана от восьминедельного промотура и ограничиться одним насыщенным месяцем.

Шеф Грейс неохотно отпускал ее, пока один из специалистов по связям с общественностью не заметил, что это будет неплохим пиаром для Бюро, особенно после того как было объявлено о присуждении второму роману Грейс престижной премии Каллахана в области детективной литературы.

– Я с ума сойду, если буду целыми днями сидеть дома перед компьютером, – сказала она Джонатану.

Он фыркнул и неодобрительно поджал губы.

– Ты сумасшедшая, дорогая. Только подумай, как волшебное это будет. Ты сможешь переехать в Нью-Йорк, возвращаться в обществе литературной элиты. Ты меня убиваешь своим вечным «я должна оставаться в Вашингтоне и спасти мир от серийных убийц».

– Но мне и правда *нужно* оставаться в Вашингтоне и спасти мир от серийных убийц, – терпеливо сказала Грейс. – Вокруг полно преступников.

– И мне нравится, что это твоя личная миссия – поймать их всех, – сказал Джонатан, – это мечта любого пиар-агента. Но я беспокоюсь за тебя.

Грейс похлопала его по плечу.

– Ты справишься, – заверила она его. – Я у тебя не единственный писатель.

– Слава создателю, они не разделяют твоей тяги к мрачной стороне жизни, – сказал он. – Это было бы безумием. Теперь иди! Кыш! Общайся с обожающей тебя публикой. Мне нужно налаживать контакты. – Он махнул ей рукой на прощание.

Грейс спустилась по дорожке Сада скульптур, взяла бокал шампанского у стоящего рядом официанта и отпила глоток.

– Грейс, я так рада тебя видеть, – услышала она женский голос у себя за спиной.

Грейс резко обернулась и широко улыбнулась, когда увидела, кто это был: статная женщина в очках, которые так шли ее огненной шевелюре. На ней было напоминающее сари платье, и его золотая отделка мерцала в свете огней, установленных в саду.

– Доктор Джеймс, не верится, что вы пришли.

– Прошу, дорогая, зови меня Клара. Уже столько лет прошло с тех пор, как ты была студенткой, – сердечно сказала она, обнимая Грейс. Но она даже в мыслях не могла обратиться к ней по имени: эта женщина, как бы дружелюбна она ни была, всегда вызывала у Грейс благоговейный трепет. – И, конечно, я пришла. Ты была одной из лучших среди моих студентов. Я так рада за тебя. Марта бы очень гордилась тобой.

У Грейс упало сердце и дыхание перехватило в груди. Скорбь – забавная штука: в тот момент, когда тебе кажется, что ты преодолел ее, она подкрадывается и вновь наступает тебя. Марта Ли была новатором в криминологии – не только как психолог, но как женщина, про-

никшая в область, традиционно занятую мужчинами. У нее был острый ум и еще более зоркий глаз. Грейс считала величайшей удачей в жизни, что профессор Ли питала к ней симпатию. Она стала наставницей Грейс, даже написала для нее рекомендации в академию, из которой уволилась в 80-е, чтобы посвятить себя преподаванию.

Долгие годы Грейс и доктор Ли поддерживали связь, общались по электронной почте, созванивались, время от времени встречались за ланчем. В прошлом году, как раз когда Грейс заканчивала третью книгу, она получила известие, что доктор Ли погибла в автокатастрофе. Это стало тяжким ударом – доктор Ли всегда была так полна жизни, невозможно было поверить, что ее больше нет. После похорон Грейс вернулась в свой пустой дом. У нее было неспокойно на душе, и она никак не могла прийти в себя, пока не села за компьютер и не закончила финальную главу книги, словно доктор Ли сама направляла ее.

Грейс посвятила роман «Доверие – жестокая игра» ее памяти. Несомненно, малая дань уважения женщине, которая сделала так много, но Грейс знала, что ее бы это порадовало.

– Я видела посвящение, – сказала доктор Джеймс, сжав руку Грейс. – Это очень трогательно. И я знаю: ее муж оценил этот жест. Когда я ужинала с ним несколько месяцев назад, он упомянул, что ты отправила ему подписанный экземпляр. Он хранит его в ее библиотеке, среди других ее книг.

Грейс моргнула, стараясь подавить эмоции, сковавшие ей грудь.

– Это необычайно мило с его стороны, – сказала она. – Как он?

– Думаю, можешь догадаться. Это случилось так внезапно.

Грейс кивнула.

– Когда я впервые услышала новость, это казалось нереальным. Она всегда была такой сильной. Будто несокрушимой. Она никому и никогда не позволяла принижать себя или говорить с собой свысока. Она столькому научила меня. Мне очень повезло, что она была в моей жизни.

– Нам всем повезло. Она была блестящим криминологом и чудесным человеком, – сказала доктор Джеймс. – Знаешь, думаю, здесь сегодня есть и другие твои преподаватели. – Она посмотрела поверх головы Грейс, вглядываясь в толпу. – Вижу, там Карфадж. Он преподавал у тебя, не так ли? Припоминаю, ты перевелась из университета Мэриленда.

– Да, – тихо проговорила Грейс, не обернувшись посмотреть, куда указывала доктор Джеймс. Она не могла побороть легкую скованность, охватившую ее позвоночник, и улыбка застыла на ее лице. Но она не вздрогнула, она бы никогда не выдала свои чувства. – Доктор, то есть, Клара, вы извините меня? Мой издатель машет мне как сумасшедший, думаю, настало время говорить речь.

– Конечно, дорогая. Ступай. Еще раз поздравляю!

Грейс поспешила прочь, у нее будто ком застрял в горле, она вцепилась пальцами в хрустальный бокал, словно он был единственным, что позволяло ей сохранять здравый рассудок. Она не пошла на сцену, выступающих еще не позвали. Ей было нужно...

Ей было нужно пространство. Укрытие. Уйти подальше от толпы.

Она шла так быстро, как только позволял длинный подол платья, и нырнула в опустевший открытый двор в центре музея. Все гости переместились в сад, влекомые огнями, вином и искусством.

Она встала в центре двора и медленно оглянулась вокруг, замороженная огромным бетонным зданием, которое кольцом опоясывало его. Было нечто, напоминающее пещеру, в этих высоких серых стенах, в том, как они окружали, будто обхватывали, ее. Защищенное пространство.

Она сделала еще один глоток шампанского, надеясь успокоить нервы. Она даже не сразу осознала, что в клатче вибрирует телефон. Она расстегнула сумочку и достала его.

– Да?

– Грейс, это Пол.

Специальный агент Пол Харрисон не был для нее лишь начальником – он был близким другом. Когда-то они с Мэгги были помолвлены, но плохо подходили друг другу. Одна из худших сторон профессии профайлера в том, что ты не можешь прервать бесконечный анализ. Грейс с самого начала видела тревожные знаки, но она мало чем могла помочь, разве что поддержать их обоих, когда они разошлись. Мэгги оправилась быстрее, чем Пол, – она пережила столько потрясений в прошлом, сработал инстинкт самосохранения. Полу потребовалось больше времени, но у Грейс появилась надежда, когда недавно он упомянул, что начал с кем-то встречаться. Он был таким замечательным человеком, любая женщина была бы счастлива связать с ним свою жизнь.

– Я знаю, сегодня у тебя мероприятие, – сказал Пол. – Кстати, поздравляю. Но ты заставила меня пообещать позвонить тебе, если что-то произойдет, помнишь? Если я помешал...

– Нет, – быстро сказала Грейс, несмотря на то что слышала треск проверки микрофона. Скоро надо будет подниматься на сцену и начинать речь. – В чем дело?

– Новое расследование. Но ты не обязана приезжать, если...

У нее екнуло в животе. Дело. Как раз то, что нужно.

– Я могу подъехать, – сказала Грейс. – Правда, это займет около часа. Мне все еще нужно выступить с речью. И мой издатель прислал за мной машину, так что мне придется вернуться домой, чтобы взять свою и переодеться.

– Вообще, если ты не возражаешь, я отправил за тобой кое-кого. Один из моих новых агентов. И у него с собой дорожная сумка с вещами из твоего кабинета, так что ты сможешь переодеться. Идет?

Грейс улыбнулась. Конечно, Пол продумал каждую деталь. Он был таким бойскаутом – всегда ко всему готов.

– Ты все продумал, – сказала она ему. – Отлично!

– Он будет ждать, пока ты закончишь, снаружи, у музея, – сказал Пол. – Сможете познакомиться друг с другом и подъезжайте.

– Жду с нетерпением, – ответила Грейс. – Где-то через час увидимся.

– Тогда до встречи, Грейс.

Она повесила трубку и, сделав еще один бодрящий глубокий вдох, направилась обратно в сад, где ее ожидали коллеги и поклонники.

Глава 2

Гэвин, кажется, уже в сотый раз поправил галстук. Глубокого синего цвета, тот самый, что подарила ему младшая сестра, когда он поступил на службу в ФБР. Праздничный ужин в тот вечер был шумным: три поколения Уолкеров собрались под одной крышей. По такому случаю его брат Даниэль даже прилетел из Техаса, тогда-то Сара и вытащила его на крыльцо и вручила этот подарок.

– Я знаю, ты не любишь наряжаться, но в фильмах все агенты ФБР носят галстуки, – сказала она.

Гэвин улыбнулся, вспомнив это. Было так заботливо и мило со стороны крошки-сестры дать ему нечто вроде талисмана, когда он оставлял прежнюю жизнь полицейского для нового этапа – службы в ФБР.

Временами он все еще не мог поверить, что сделал это. Он расстался с мечтой о такой престижной работе, когда ушел из армии. Он провел десять лет в столичной полиции, первые два года в команде саперов и еще восемь – в отделе по расследованию убийств. Ему нравилась его работа, но в глубине души он тянулся к чему-то другому. Какой-то зуд под кожей, какое-то беспокойство, некогда делавшее его отличным солдатом. Оно бы превратило его в еще лучшего офицера разведки, если бы только не...

Гэвин вздохнул. Не было никакого смысла размышлять о том, что могло случиться, если бы все обернулось иначе. Особенно сейчас, когда он наконец совершил такой скачок.

Когда в прошлом году он столкнулся с Полом Харрисоном на барбекю у их общего знакомого и заговорил с ним о службе в ФБР, Гэвин почувствовал знакомое беспокойство, которое он успешно игнорировал последние лет десять. Однако на этот раз он решил что-то предпринять. Он встретился с Харрисоном несколько раз, и уже несколько недель спустя, с новым предложением работы на руках, он неожиданно сам для себя уволился со службы в полиции. Военное прошлое сочли ценным достоинством, особенно в сочетании с годами, что он провел в правоохранительных органах. Так что он отправился в Джорджию на курс интенсивной переподготовки прежних офицеров полиции, необходимый, чтобы стать специальным агентом, а затем в Вирджинию для дальнейшего обучения. И вот теперь он официально был одним из них. Он был членом особой следственной группы – правда, пока он еще не был знаком со всеми коллегами.

Двадцать минут назад ему позвонил Харрисон с приказом ожидать дальнейших указаний. Так что он надел костюм, убедился, что его пистолет заряжен, и принялся ждать.

Он не был взволнован. Мало что могло заставить его нервничать. Все Уолкеры отличались твердостью и спокойствием, поэтому они все и становились копами. Он знал, чего ждать от этой работы, хотя у федералов все было несколько иначе. Но когда доходило до дела, убийство оставалось убийством вне зависимости от того, на кого он работал. И всю свою жизнь он выслеживал убийц и передавал их в руки правосудия.

Он был на службе уже десять лет и успел увидеть ужасающие вещи. Худших из людей, убийц, насильников, и тех, кто чинит разрушение бомбами и взрывчаткой. Но он также видел и лучшее, что есть в человеке: людей, что объединялись вокруг выживших и их семей... видел силу духа матери, упорно защищавшей своего мертвого сына, когда более никто не верил, что он был убит... видел и ту безграничную любовь, что просыпается в людях при трагической утрате.

Его дед часто повторял, что он во всем ищет светлую сторону, и, возможно, это действительно было так – вот о чем сейчас думал Гэвин с косой усмешкой. Это одновременно и помогало в работе, и причиняло боль. Он был идеалистом, и он отдавал себе в этом отчет. Но там,

где есть идеализм, есть и надежда. А надежда и убийства могут стать опасным и душераздирающим сочетанием.

Гэвин снова потянулся к галстуку, но одернул себя, и беспокойные руки принялись тереть волосы, которые его бывшая девушка однажды ласково назвала «вихрастыми».

Зазвонил телефон: имя Харрисона высветилось на экране. Наконец!

Гэвин взял трубку.

– Уолкер, – сказал он.

– Это Харрисон. Я только что говорил с нашим профайлером. Она будет готова минут через тридцать, если забереешь ее у музея. Вы можете подъехать на место преступления вместе. Бригада криминалистов уже вызвана, и я буду ждать вас на месте.

– Понял, – ответил Гэвин. – Какие-то подробности о деле?

– Все, что я знаю: жертва женского пола, немного за двадцать, смерть от огнестрельного ранения. При ней нашли удостоверение сотрудника правительства, поэтому вызвали нас. Зоуи с криминалистами должны прибыть в течение пятнадцати минут, тогда мы узнаем больше.

Гэвин кивнул.

– Пробок быть не должно. Выезжаю, чтобы подхватить агента...

– О, думаю, надо назвать тебе ее имя, – сказал Харрисон, усмехнувшись сам себе. – Специальный агент Грейс Синклер.

Шок накатил стремительной, мощной волной и заполнил его. Он почти как наяву услышал в своей голове хрипловатый голос, почувствовал волнуемый росчерк ногтей на своей спине.

– Ваши пути пересекались, когда ты работал в отделе убийств? – спросил Харрисон.

Гэвин с трудом сглотнул.

– Нет, – сказал он. – Не припоминаю.

Формально ложью это не было. Он не сталкивался с Грейс во время расследования. Они никогда не работали вместе.

– Она крайне незаурядна, – сказал Харрисон. – Мне жаль, что не мог представить вас друг другу, когда ты встречался с остальной командой, она была в туре в поддержку своей книги.

– Да, – ответил Гэвин. Эти книги. Он не смог удержаться и купил первую, когда та вышла. Прочитав ее, он пожалел о том, что сделал. Любовные сцены между главной героиней и ее партнером пробудили воспоминания о том, что он с таким трудом забыл. Когда вышла вторая, он смог остановить себя и не пролистать ее ради своего же блага. Но каждый раз, как он видел эту книгу в витрине магазина, он вспоминал ту ночь, вспоминал *ее*.

Некоторые события – некоторые женщины – врезаются в память.

И Грейс Синклер была женщиной, которую невозможно забыть. И если бы он однажды увидел ее идущей по улице и она лишь бросила на него беглый взгляд, ее образ преследовал бы его до конца времен.

Он же получил больше, чем беглый взгляд. Она была в его руках, в его постели. Даже сейчас он еще помнил гладкость ее кожи. Смех в ее голосе, когда он расстегнул молнию на ее платье, темный водопад волос, освободившихся от шпилек.

Восемнадцать часов, плюс-минус. Столько она принадлежала ему. Чтобы касаться, целовать, слушать, как она превозносит джаз и искусство, видеть, как вспыхивает огонь в ее глазах, – то, что она немногим позволяла увидеть. Но пришел рассвет, встало солнце, и когда он проснулся, ее уже не было. Уж такой была Грейс. Конечно, ходили слухи. Вашингтон в некотором смысле был маленьким городом, он был полон сплетен. И он слышал их. Но именно здесь проклятый идеализм довел его до беды. Потому что укладывая ее в свою постель, в душе он был абсолютно уверен, что утром найдет ее рядом с собой. Что это будет дольше, чем на одну ночь. Что он, несомненно, станет для нее исключением.

– ...музея, Уолкер? – спрашивал Харрисон.

Гэвин прочистил горло.

– Что ты сказал?

– Ты знаешь, как добраться до музея?

– Да. Уже направляюсь туда.

– Я пришлю адрес места преступления. Увижу вас обоих там.

Харрисон повесил трубку, и Гэвин отложил телефон, мысли разбегались, перескакивали с одного на другое. Но затем он протянул руку, сжал пистолет в кобуре, и его сознание прояснилось. Он пристегнул оружие к ремню, расправил плечи, и его мысли становились все яснее по мере того, как он фокусировался на задаче.

Будет непросто, но есть работа, которую надо выполнить, и есть убийца, которого надо найти.

Работа превыше всего. Всегда.

Глава 3

«Выступление прошло хорошо», – думала Грейс, пока выходила из музея к лестнице, ведущей на улицу. Слушатели смеялись в нужных местах и осыпали ее поздравлениями, вплоть до того момента, как ей удалось ускользнуть. Почести и слава, что пришли, когда она стала известным писателем, были приятны, и она получала удовольствие от процесса написания книги, от продумывания линии каждого персонажа, но была настоящая жизнь и настоящая служба – будничная работа профайлера в отзвуках кошмара, и именно она заставляла ее сердце петь.

Наступила ночь, пришло время приступать к работе. Она чувствовала знакомое напряжение в животе – смесь предвкушения и ужаса, которые просыпались в ней с каждым новым преступлением. Она остановилась на верхних ступенях лестницы и окинула взглядом улицу внизу. У обочины был припаркован черный внедорожник с заведенным мотором. Должно быть, это новый агент; Пол взял несколько новых членов группы, когда она была в промотуре. Пока что у нее не было возможности встретиться с ними. Придерживая рукой подол платья, она спускалась по лестнице. Она была уже на полпути, когда дверь внедорожника распахнулась. Мужчине обошел машину и облокотился на пассажирскую дверь.

Грейс узнала его и застыла на полушаге. Нет, это не... Этого не может быть. Он не работал на ФБР. Несомненно, до нее бы дошел слух, если бы его наняли...

Но доказательство было прямо перед ней. Гэвин Уолкер. Метр девяносто пять чистого мучения. Ее сердце забилося чаще, но пока она шла к нему, ее шаги по лестнице оставались тверды.

Тогда он был следователем по убийственным делам в полиции Вашингтона. В последний раз, когда она его видела, он крепко спал и был совершенно обнаженным. Она выскользнула из его дома, бесшумно и быстро, с такой сноровкой, какая приходит только с опытом, ее бедра все еще приятно ныли после ночи, проведенной с ним.

Это было два года назад. Он позвонил на следующий день, желая встретиться, и она проигнорировала звонивший телефон, потому что всегда поступала именно так. Таковы были правила.

Она не ожидала, что не ответить на звонок будет так тяжело. Она нечасто испытывала искушение и плохо с ним справлялась. Она пыталась похоронить это чувство – и воспоминания о ночи с Гэвином – глубоко внутри.

Но едва ли это было возможно сделать, когда он стоял прямо перед ней, такой же неотразимый, как и прежде. Эта широкая нахальная улыбка была одной из причин, по которой Грейс оказалась в его постели. Тогда она свела ее с ума, и даже сейчас она чувствовала, как ее тело откликается на нее. Она ощущала на коже покалывание под его обжигающим взглядом; она вдруг остро осознала, как идет ей это платье, ощутила, как касается обнаженной спины летний ветерок. Но ее лицо осталось бесстрастным: он не должен был заметить, насколько она сбита с толку. Иначе он попросту использует это, чтобы дразнить ее.

– Детектив Уолкер, – сказала она холодно. – Нынче изображаете шофера.

Его карие глаза мерцали в свете фонарей.

– Я теперь специальный агент Уолкер, – сказал он.

– Вижу. – Грейс остановилась перед ним. Она приблизилась, и ее поразило, каким высоким он был. Она была высокой женщиной и любила каблуки, не привыкла смотреть на мужчин снизу вверх. Но он был сложен как воин из былых времен. Ширина его плеч, сила, которая, казалось, заряжала воздух вокруг него, заставляла ее трепетать... не в страхе, а в предвкушении. Она была уверена, что стоит ей закрыть глаза и она перенесется в ту ночь, проведенную

вместе с ним, почувствует, как его руки обхватывают ее талию, как он поднимает ее, будто она легче перышка.

Ей нужно собраться. Ему ничего не стоило понять, как его появление поразило ее. Она даже думать об этом не хотела.

Грейс улыбнулась.

– Должна признать, я несколько удивлена, – сказала Грейс. Почему он здесь, какова истинная причина? Пол, несомненно, сказал ему, за кем он заезжает. Он сам вызвался? Может, это просто его очередная игра, чтобы подразнить ее? Или же нечто большее?

– Что, мои действия не вписываются в мой психологический портрет, Грейс? – спросил он, скрестив руки на груди, облокотившись на джип, напоминая ковбоя в салуне во времена Дикого Запада.

Она пристально посмотрела на него.

– Вовсе нет, – сказала она плавно. – Ты, очевидно, всегда желал большего. Вашингтонская полиция более не могла удовлетворить твои амбиции. Я скорее удивлена, что ты попал в команду Пола. Он известен своей придирчивостью в подборе сотрудников.

– Харрисон – добрый малый. – Гэвин пожал плечами. – Он любит правила. Я люблю правила.

Грейс фыркнула. Последнее, что бы она сказала о Гэвине, – это то, что он любит правила. Он был из тех, кто не нарушает, но всегда готов обойти их. Его проницательный ум и обостренное чутье сделали его самым молодым за многие десятилетия следователем по убийственным делам в полиции Вашингтона. И вот кто он теперь – агент ФБР. В ее команде.

Проклятие. Это вносило ту неловкость, которую Грейс старалась избегать в своей жизни. Она никогда не смешивала дело с удовольствием. И теперь удовольствие – и какое удовольствие, она до сих пор живо помнила обжигающие прикосновения его рук! – стояло перед ней, ожидая, что она будет работать с ним.

И почему она не потрудилась расспросить Пола о его новом сотруднике? Грейс мысленно проклинала себя, что была так поглощена промотуром. По меньшей мере она бы знала заранее, что, покинув торжество, снова окажется на орбите Гэвина Уолкера.

– Твои вещи в машине. – Гэвин указал назад большим пальцем. – Место преступления в Колледж-парке, так что нам пора ехать.

Грейс нахмурила брови. Последнее, чего ей хотелось – это сесть в машину и провести с ним полчаса в пробках. Но, по всей видимости, у нее не было выбора.

– Я переоденусь на заднем сиденье, – сказала она и потянулась к двери одновременно с Гэвином.

Их руки соприкоснулись, его кожа была теплой и чуть шершавой на указательном пальце. Грейс будто током ударило, мурашки побежали вдоль позвоночника. Гэвин ухмыльнулся, когда она отвела руку, позволяя ему открыть ей дверь.

– Дамы вперед, – протянул он.

Ее сумка невинно стояла внутри. Гэвин запрыгнул на водительское сиденье, завел внедорожник и направился в сторону автострады.

Грейс взглянула на сумку и снова посмотрела на водительское сиденье, ее щеки горели.

– Обещаю, я не буду смотреть, – сказал он, и их глаза встретились в зеркале заднего вида.

– Лжец, – ответила она.

Он сощурил глаза в улыбке, прежде чем перевести взгляд на дорогу.

– Мама воспитала меня джентльменом, чтобы ты знала.

– Поверю, когда сама увижу. – Грейс открыла сумку, достала юбку и слегка мятую блузку цвета индиго.

Не отводя глаз от зеркала заднего вида, чтобы точно быть уверенной, что Гэвин действительно джентльмен, она задрала длинный подол вечернего платья и принялась натягивать под него юбку-карандаш, которую только что достала из сумки.

К сожалению, это было самой простой, наименее откровенной частью ее схемы по быстрой смене одежды. Она расстегнула боковую молнию на платье и потянулась назад, за голову, к серебряным пуговкам на горловине. Внедорожник остановился на светофоре, и у Грейс пересохло в горле, когда она подняла глаза и увидела, что Гэвин пристально смотрит прямо на нее.

Она выгнула бровь.

– Как насчет того, чтобы быть джентльменом, Уолкер?

В его глазах блеснуло обещание, и она почувствовала, как стянуло ее кожу.

– С тобой это трудно, Синклер, – произнес он сдавленным голосом.

Все еще смотря ему в глаза, она потянула за ленту, на которой держалось ее платье. Это был молчаливый вызов: «Действительно ли ты такой, как ты говоришь? Или же ты тот, кем я тебя считаю?»

В ту самую секунду, как серебристая ткань соскользнула с ее груди, он перевел взгляд на дорогу. Он прочистил горло, и Грейс видела, как его пальцы сжали руль – с силой.

Она улыбнулась про себя, натянула блузку и спустила платье ниже – на талию, а затем на пол внедорожника.

Приведя одежду в порядок, она дождалась следующего светофора и перебралась с заднего сиденья вперед.

– Итак, введешь ли ты меня в курс дела? – спросила она, закалывая прядь волос, выбившуюся из прически.

– Харрисон почти не сообщил мне никаких деталей, – сказал Гэвин, когда они подъехали к съезду на шоссе. – В последнем сообщении было что-то про снайперскую атаку.

Грейс нахмурилась, увидев адрес на навигаторе.

– В китайском ресторане?

Гэвин пожал плечами.

– Странности случаются.

– Сколько пострадавших? – спросила Грейс.

– Один.

Она еще сильнее вздернула бровь. Как правило, снайперы наносят больший вред. Им нравится творить хаос, доводить людей до предела, всего несколькими пулями вызывать массовую панику.

Они ехали в тишине, текли минуты, пока наконец Гэвин не прервал молчание:

– Что думает твоя большая умная профайлерская голова? – спросил Гэвин.

Грейс посмотрела на него в упор, ей не понравился его тон.

– Что? – спросил он.

– Я понимаю, что ты пришел сюда с полицейской службы, суть которой – чутье, работа ищейки, но ты больше не детектив. Теперь ты играешь по-крупному. И самый крупный игрок в команде Пола – я. Тебе стоит помнить об этом.

Гэвин присвистнул.

– Это угроза?

– Дружеский совет, – ответила Грейс. – Пол никогда бы не нанял тебя, если бы у тебя не было нужных качеств. Но работа в команде, такой как наша, подразумевает уважение к особенностям и работе друг друга.

– То есть ты считаешь, я тебя не уважаю, – сказал Гэвин, включив поворотники и сменив полосу. Скоро должен был быть их поворот.

– Я *знаю*, что ты не уважаешь то, что я делаю, – сказала Грейс.

– Ты ошибаешься, – просто ответил он.

Это поразило ее. Она ожидала более сильного протеста с его стороны, чего-то вроде громкого мужского пустословия. Он же спокойно свернул с шоссе и выехал на главную улицу Колледж-парка.

Синие и красные огни становились все ярче по мере того, как они подъезжали к полицейскому оцеплению. Гэвин мельком показал удостоверение стоящему перед ними полицейскому офицеру, тот махнул, пропуская их.

Грейс потянулась было к ручке двери, но его голос остановил ее. Она обернулась.

– Я уважаю то, что ты делаешь, Грейс. Я работаю иначе, я смотрю на вещи иначе. Но я уважаю это.

Она посмотрела на него, ища малейшую тень неискренности на его лице или в его голосе.

– Но ты не уважаешь то, что делаю я, – продолжал он. – Ты произнесла «чутье» так, будто это дурное слово. Это не очень-то вежливо.

И вот снова. Это проклятое подтрунивание в его голосе. Это раздражало ее. Это вывело ее из себя.

Это заставляло ее... хотеть всякого.

Она смерила его взглядом, медленно, неторопливо. И посмотрела в его глаза, в них было столько страсти, они горели, отражая свет сигнальных огней полицейских машин.

– Сделай что-нибудь, заслуживающее моего уважения, и тогда я буду уважать тебя.

Не говоря больше ни слова, она открыла дверцу машины и зашагала в сторону места преступления.

Глава 4

Гэвин смотрел, как она царственной походкой пересекает стоянку.

Грейс Синклер была живой головоломкой. Такая красивая, она могла получить все, что только пожелает, лишь похлопав ресницами. Но вместо этого она превратила свою красоту в оружие, умело используя ее, чтобы внушать людям ложное чувство безопасности. Мужчина беззащитен перед такой женщиной.

Боже, было истинным мучением следить за дорогой, пока она передевалась на заднем сиденье. Он слышал, как шуршала ткань, касаясь ее кожи, мучительный звук расстегивающейся молнии. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы сдержаться и не обернуться. Чтобы не остановить чертов внедорожник и не перелезть к ней на заднее сиденье.

И она знала это. Конечно, знала. Она знала все.

Он не шутил, когда упомянул ее большой и опасный профайлерский ум. Грейс была невероятно умна, но ее образ мысли был непостижим для него. В пустыне он научился полагаться в первую очередь на чутье и инстинкты, потому что в мире шпионов это зачастую было единственным, чему он мог доверять. Для него мир делился на черное и белое: они и мы. Плохое и хорошее. Правильное и неправильное.

Но Грейс смотрела на все иначе. Она видела оттенки и полутона. Она видела корень зла. Бесконечно пытливая и бесстрашная, она, не останавливаясь, искала его. День за днем она влезала в шкуру преступников, и он изумлялся, что эта тьма не наложила на нее свой отпечаток.

– Ты идешь? – звук ее голоса прервал мысли Гэвина. Она остановилась, обернувшись, метрах в десяти от него.

– Ага, – сказал он, торопясь нагнать ее. – Эй, нам, наверное, стоит обсудить, что мы скажем.

– Что мы скажем? – переспросила Грейс, озадаченно посмотрев на него.

– О нас. Как мы встретились. Откуда знаем друг друга. Харрисон уже спрашивал меня, пересекались ли мы, когда я был копом.

– Я разберусь с этим, – сказала она.

– Ты уверена?

– Не беспокойся об этом, – ответила Грейс.

Они подошли к ресторану, где их тут же перехватил Харрисон.

– Уолкер, рад тебя снова видеть, – сказал он, протягивая руку. Гэвин пожал ее. – Успели познакомиться по дороге?

– Мы уже были знакомы, – отозвалась Грейс.

Гэвин нахмурился. Он приготовился врать. Он был не из тех, кто хвастается своими любовными подвигами. И он не собирался бросать ее на амбразуру, чтобы она объяснялась перед начальством.

– О, правда? – спросил Харрисон, протягивая ей пару перчаток. – Откуда?

– Я переспала с ним два года назад, – небрежно бросила Грейс, натягивая перчатки.

Гэвин кашлянул, стараясь не покраснеть, наблюдая, как у Харрисона отвисла челюсть. Деловая манера Грейс была даже забавной, но он был не настолько глуп, чтобы рассмеяться.

Грейс закатила глаза.

– Мужчины, – пробормотала она.

– Да, мы такие неблагоприятные, – с каменным лицом произнес Гэвин.

И снова блеснул этот игривый огонек в ее глазах. Лишь мимолетная вспышка, но он заметил его.

Он рассмешил ее, но она не хотела показать это.

Вместо этого она неодобрительно скривила рот:

– Где тело?

– Эм, сюда, – сказал Харрисон, явно сбитый с толку. Гэвин виновато посмотрел на него и получил в ответ растерянную улыбку. – Давайте приступать к работе. К этой... мм, истории мы можем вернуться позднее.

Вдоль улицы тянулись старые кирпичные здания, в самом конце был китайский ресторан с мигающей неоновой вывеской.

В нос ударил запах горелого масла и свинины в кисло-сладком соусе. Впереди, на тротуаре, толпились полицейские, проверяя надежность оцепления.

– Итак, что у нас здесь? – спросил Харрисона Гэвин.

– Женщина. Чуть за двадцать. – Пол проводил их к месту преступления, в огороженный лентой переулок рядом с рестораном. – Судя по одежде, вышла на пробежку.

– Она, вероятно, занималась в парке, – предположила Грейс.

– Уже довольно поздно, – сказал Гэвин.

Грейс пожала плечами.

– Некоторые любят бегать по ночам. Я, например.

– При этом у тебя есть навыки самообороны.

– Может, и у нее были, – отметила Грейс. – Оружие убийства – снайперская винтовка, верно?

Харрисон кивнул.

– Криминалисты установили это по направлению выстрела и пулям. Похоже, снайпер.

– Зоуи здесь? – спросила Грейс. – Ты уже знаком с ней, Уолкер?

– Девушка с синими волосами? Нам удалось перекинуться парой слов, когда я знакомился с командой. Она рассказывала мне о каких-то экспериментах с личинками и разложением. Правда, боюсь, я ничего не понял.

Пол улыбнулся.

– Зоуи немного чокнутая, но она лучшая в своем деле.

– Она не чокнутая, – сказала Грейс. – А незаурядная.

Она прошла вперед, рассматривая крыши зданий. Гэвин последовал ее примеру, гадая, о чем она думает, отчего пробежала тень по ее лицу. Поэтому он спросил:

– Что думаешь?

Она перевела взгляд с крыши на него, ее серые глаза удивленно распахнулись.

– Снайперы педантичны, – сказала она, снова посмотрев на крышу прачечной через улицу от «Золотого фонаря». – Там уже работают криминалисты?

– Туда направлена половина людей Зоуи, – ответил Харрисон.

Гэвин напряженно смотрел туда, куда был устремлен взгляд Грейс.

– Здесь что-то не так, тебе так не кажется? – спросил он.

– Я не сильна в том, что касается чутья, – заметила она. Но ее взгляд все продолжал перескакивать с одного здания на другое, и он знал, что она приходит к тому же выводу, к какому пришел и он в ту секунду, как только увидел переулок.

– Для снайпера в этом месте нет ни одной приемлемой точки обзора, – сказал Гэвин.

Грейс подняла бровь и покосилась на него.

– И как ты это понял?

– Я не просто симпатичная мордашка, – ответил он. Грейс фыркнула. – Я провел четыре года в армии, – объяснил Гэвин. – Я был снайпером.

Ее глаза вспыхнули, и все сжалось у него внутри. Купится ли она на такое?

– Здесь невозможно выстроить правильную траекторию. Слишком мало места. – Он поднял руки, чтобы показать, каким узким был переулок.

Ее губы, накрашенные темно-красной, притягивающей взгляд помадой, скривились в усмешке. Она знала, что он прав, и была готова признать это, но помедлила пару секунд. Так она могла лучше контролировать ситуацию.

Грейс любила держать все под контролем. Ему не нужно было быть профайлером, чтобы понять это. Он был совершенно уверен, что единственным местом, где она позволяла себе расслабиться, была спальня. Возможно, в этом была причина ее непостоянства. Риск был слишком велик. Слишком многое она могла потерять.

– Ты прав, – согласилась Грейс. – Ни один профи не выбрал бы это место.

– Что же, ты думаешь, это просто случайность? – спросил Гэвин. Он посмотрел на переулочек у нее за спиной, где криминалисты копошились вокруг тела, собирая образцы и делая фотографии.

– Что-нибудь пропало? – спросила Харрисона Грейс.

Он покачал головой.

– Наш преступник даже не потрудился обставить все как ограбление. На ней обручальное кольцо. И дорогое. Ему бы не составило труда стянуть его.

– Ты говорил, при ней нашли удостоверение правительственного работника? – сказал Гэвин.

– Поэтому нас и подключили, – ответил Харрисон. – Ее имя Дженис Вакомб. Работала секретарем в министерстве транспорта. Поскольку она государственный служащий, местная полиция вызвала нас.

– Итак, она вышла на пробежку, – сказала Грейс, принявшись снова разглядывать крыши домов. – Для нее это самый обычный вечер. Она пробежала свое обычное количество миль в парке и затем направилась сюда. Может быть, она заказала еду навынос? Кто-нибудь уже говорил с сотрудниками ресторана?

– Да, мои люди опрашивают их прямо сейчас, – откликнулся Харрисон.

– Если они узнают что-нибудь, позови меня, – попросила Грейс. Она повернулась к Гэвину. – Готов? – спросила она.

– Это не первое мое место преступления, Синклер, – сказал он, обратившись к ней по фамилии, потому что знал, как ее это раздражает.

Она так мило кривила рот, когда бывала раздосадована.

– Что ж, ладно. Покажи, на что ты способен.

Это был вызов. И Гэвин никогда бы не отступил и не уклонился от него.

– С удовольствием, – ответил он.

Они прошли по узкому переулку к телу, лежащему на тротуаре.

Глава 5

Дженис Вакомб лежала на спине: серый свитшот запачкан кровью, глаза безучастно смотрят в небо.

Грейс почувствовала, как что-то сжалось в груди, будто крепкая рука сдавила ее сердце. Она не могла сосчитать, сколько трупов ей довелось повидать, но каждое место преступления поражало, словно впервые.

– Увидели что-нибудь новое? – Пол обратился к миниатюрной женщине в белом комбинезоне, сидевшей на корточках рядом с телом. Ее неоновые-голубые волосы казались почти что радиоактивными в ярком свете огней. Они были собраны в ряд остроконечных пучков, увенчанных винтажной вязаной сеточкой.

Зоуи выпрямилась и расправила плечи.

– Вот, беру образцы волосков. Хотя уверена, что это собачья шерсть. – Она улыбнулась Гэвину и Грейс. – Классная помада, Грейс. Агент Уолкер, рада видеть вас снова.

– Прощу, зови меня Гэвин, – сказал он. – И мне приятно тебя видеть. Как поживают личинки?

Лицо Зоуи засияло.

– *Великолепно!* Я подселила новую партию к тому телу, что...

– Зоуи, – сказал Пол строгим отеческим тоном.

Зоуи вздохнула.

– Ладно. Ситуация такова: по мне, так это не похоже на работу профессионала. Слишком неаккуратно. Снайперы – по крайней мере, обученные – аккуратны. По крайней мере, если судить по моему опыту.

– Место неподходящее, – согласился Гэвин. – Здесь невозможно занять хорошую позицию для стрельбы.

– И мускулы, и мозги, тише, мое сердце, – сказала Зоуи, обмахиваясь рукой. Грейс позабавила ее выходка, но она сдержала улыбку, впрочем, Зоуи не за что было винить: если говорить о Гэвине, все действительно было при нем.

– Гэвин попал в точку, – продолжала Зоуи. – Это отвратительное место для снайперской атаки. Вот почему наш киллер промахнулся. Смотрите, – она указала на мусорный контейнер в трех метрах от тела. – Одна из пуль попала туда и отрикошетила в стену. И еще вот. – Она показала на стену позади себя: в кирпичной кладке были две большие выбоины. – Он промахнулся трижды и только дважды попал в цель.

– Зачем выбирать оружие для дальнего боя, если толком не знаешь, как им пользоваться, – задумчиво пробормотала Грейс, подходя ближе к телу женщины.

Гэвин сделал то же, и их плечи соприкоснулись, когда они присели рядом с Дженис.

Ее свитшот – серое худи на молнии – был сильно поношенным, с обтрепавшимися по краям рукавами. Беговые кроссовки – не броские, но от хорошего бренда. Вероятно, она бегала каждый день и была из тех, кто занимается спортом ради спорта, а не для того, чтобы показаться на людях. Может быть, именно поэтому она бегала так поздно? Может, она решила пробежать пару миль перед тем, как купить жирной китайской еды, и просто-напросто оказалась не в том месте не в то время, случайно попала под прицел? Или бег в позднее время был ее ежедневной привычкой и именно она была мишенью?

Что-то не давало Грейс покоя, когда она смотрела на тело. У нее было то чувство, будто ты не видишь что-то прямо перед тобой. В чем же дело?

– Что скажешь? – тихо спросил Гэвин.

Грейс внимательно изучала взглядом тело Дженис, подмечая едва уловимые несоответствия и детали.

– Она опытный бегун, – сказала Грейс. – Вероятно, принимала участие в нескольких марафонах. Возможно, по одному за год. Посмотри, как стоптаны ее кроссовки. Она припала на левую ногу. Вероятно, она правша, а может, дело в спортивной травме. Она аккуратна, организована. Посмотри на ногти. – Грейс указала на практично коротко остриженные ногти, выкрашенные бледным нежно-розовым лаком. – Бег был для нее способом снять напряжение. Своеобразной медитацией. Она, должно быть, потеряла бдительность. Все произошло неожиданно.

– А стрелок? – спросил Гэвин.

Стрелок? Грейс отошла от тела, осматриваясь. Куда он мог укрыться? Где бы чувствовал себя в наибольшей безопасности?

– Зоуи, можешь сказать, где было укрытие снайпера? – спросила она.

– Исходя из траектории неудачных выстрелов и положения тела, я бы сказала, что где-то на крыше прачечной. – Зоуи показала на здание справа от них. – Криминалисты, которых я отправила туда, уже должны собирать улики.

Грейс посмотрела наверх, на плоскую крышу, затем снова на тело Дженис, она пыталась сложить факты в единую картину.

– Ты сказал, при ней был телефон, – обратилась она к Полу.

– Он у Зоуи.

Зоуи протянула ей телефон рукой в перчатке. На заблокированном экране все еще высвечивалось напоминание: «Пробежка – 20.30».

Так. Значит, поздним вечером она бегала регулярно. Будучи секретарем, Дженис должна была любить четкий распорядок и расписание. Вероятно, ее день был размечен поминутно.

Это означает, что стрелок должен был тщательно все спланировать, чтобы точно попасть в нужный временной промежуток. Ему пришлось следить за ней несколько дней, возможно, даже недель или месяцев, чтобы изучить ее распорядок до последней запятой.

Она знала его? Зачем еще ему было выбирать оружие, с которым он, очевидно, не умел обращаться? Потому что она бы узнала его, если бы он приблизился к ней? Потому что убежала, если бы увидела его?

– Она когда-нибудь заявляла в полицию? – спросила Пола Грейс. – Домогательство? Преследование? Изнасилование?

– Ничего, – замотал головой Пол.

– Возможно, он не хотел быть замеченным, потому что они были знакомы, – предположил Гэвин. – Или, может, он и вправду неопытен.

– Или застенчив, – ответила Грейс.

Гэвин насупил брови.

– В тихом омуте... – сказал он.

– Это... – начала было Грейс, заранее готовая спорить, но тут же остановилась и глубоко вздохнула. Полу и так хватало забот, ему было совсем ни к чему, чтобы она цапалась с Уолкером только потому, что тот раздражал ее. – Судишь по своему опыту? – в итоге спросила она.

В его глазах блеснул задорный огонек.

– О да, – сказал он. – Слушай, а может, у нас тройное попадание? Он может быть застенчивым убийцей без опыта, знавшим жертву.

– Но почему? – спросила Грейс, обращаясь скорее к самой себе, чем к Гэвину. Именно этот вопрос был главным в каждом деле. «Почему» неизбежно вело к «кто»: поняв, по какой причине жертва была убита, они бы нашли ключ к разгадке личности убийцы. – Почему он желал ее смерти?

Она снова посмотрела на крышу, где искали улики криминалисты. Может быть, дело в чувстве вины, в этом случае предположение об отсутствии опыта имеет больше смысла. Осо-

бенно если это убийство было для него первым. Тогда бы он стремился держаться на расстоянии, чтобы абстрагироваться от происходящего.

Он не хотел встретиться с ней взглядом, это стало бы для него наваждением. Оружие дальнего боя позволило избежать прямого контакта, хотя и создало определенные трудности.

– Нам стоит проверить оружейные магазины, – сказал Гэвин.

– Да, – согласилась Грейс. – Надо будет просмотреть записи с камер за последние шесть недель. Он мог купить винтовку недавно.

– Кого мы ищем? – спросил Пол.

– Мужчина, – сказала Грейс, снова осматривая тело Дженис. Что-то было не так, но она не могла понять, что именно. Волосы? Нет, они собраны в аккуратный хвост, даже резинка – заурядная, коричневая, подобранная в тон волос. – Вероятно, «белый воротничок», работает с девяти до пяти. Поэтому относительно свободен по вечерам. Он умен, но труслив. Скорее всего, неуверенно чувствует себя на людях, особенно в общении с женщинами. Этим можно объяснить желание дистанцироваться, когда дело дошло до убийства. Он не из тех мужчин, с кем женщины чувствуют себя комфортно. От него исходит опасность, и они чувствуют это. Поэтому ему пришлось искать сложные пути, чтобы совершить задуманное. Вполне возможно, что он работает в сфере образования или информационных технологий. Ему, должно быть, понадобилось не раз прийти в магазин, чтобы набраться решимости и купить оружие. Когда техники будут просматривать записи с камер, они должны искать того, кто появляется неоднократно.

– Похоже, Дженис была помолвлена, – сказал Гэвин, показав на кольцо с сапфиром на левой руке женщины. – Жених должен знать ее распорядок. Может, что-то пошло не так? Планирование свадьбы стало слишком нервным? Он сходил налево? Или она?

– Можешь проверить жениха, но я сомневаюсь, что это он, – сказала Грейс. – Мы ищем того, кто хотел остаться незамеченным. Вероятно, у него были на то причины. Жених мог приблизиться к ней, не опасаясь, что у нее возникнут какие-либо опасения, застрелить ее из пистолета и убежать. Так быстрее, надежнее, и это не требует дорогостоящего оружия, которое проблемно носить с собой. Нет, этот убийца... он предпочитает оставаться в тени.

– Проблемы на работе? – предположил Гэвин.

– Возможно, – кивнула Грейс. – Надо будет узнать, над чем она работала в министерстве транспорта, были ли у нее проблемы с коллегами.

Она опустила глаза на Дженис, силясь понять, что же было не так с телом. Что-то не давало ей покоя. Но ей не удавалось найти ответ. Могла ли она просто искать хоть какую-нибудь зацепку: то, чего на самом деле нет? Или она и вправду упускает что-то? Она ненавидела это ощущение – неопределенность, – ей не было места в ее жизни. Она сделала глубокий вдох.

– Думаю, это все, по крайней мере, на данный момент. Когда у нас будет больше информации, я смогу составить более точную характеристику.

– Хорошо, – сказал Пол. – Зоуи, тебе еще нужны Грейс или Гэвин?

Зоуи покачала головой:

– К утру все будет в лаборатории. Брианна уже едет туда, чтобы принять тело.

– Тогда ты можешь ехать домой, Грейс, – сказал Пол. – Ты тоже, Гэвин. Спасибо, что подъехали. Я увижу вас утром?

– Я принесу кофе, – сказал Гэвин.

– Ты хороший парень, – улыбнулся Пол.

– Синклер, ты идешь? – спросил Гэвин.

Грейс посмотрела на него, задумавшись на мгновение.

– Да, – сказала она.

Вслед за Гэвином она села в машину.

– Я могу вызвать такси. Мы живем в противоположных концах города.

– Я помню, – сказал Гэвин, улыбаясь, и завел мотор.

– Так и будет продолжаться? – спросила она, когда они выезжали со стоянки на улицу. –

Собираешься всю жизнь надоедать мне?

Он расплылся в улыбке.

– Знаешь, что я думаю, Грейс? Я думаю, что на самом деле ты рада меня видеть.

– О, неужели?

Боже, он невыносим, откуда столько самонадеянности?

– Нам нужно пойти куда-нибудь выпить, – сказал Гэвин. – Пообщаться. Можешь, например, объяснить, почему никогда не перезваниваешь.

Грейс посмотрела на него, и ее вдруг осенило.

– Я знаю одно место, – сказала она. – Здесь поверни направо.

Ей удалось удивить его, следующие минут десять он следовал ее указаниям, но в итоге остановился у обочины на пустынной улице.

– Где, ты говоришь, этот бар? – Гэвин посмотрел на нее через плечо.

Грейс резко подалась вперед и выдернула ключи из зажигания. Стремительным и уверенным движением он обхватил ее талию. Их глаза встретились, и атмосфера внутри машины мгновенно изменилась.

В эту секунду это были уже не агенты ФБР, и не мужчина и женщина, некогда переспавшие друг с другом. Нет, сейчас они оценивали друг друга, как хищники, выслеживающие добычу.

– Грейс, – предостерегающе произнес Гэвин.

– Ты солгал там, в переулке. – Она смотрела на него в упор. – В армии ты был не снайпером.

Его губы дернулись.

– С чего ты это взяла?

Сердце колотилось у нее в груди. Может быть, и следовало повременить с выяснением отношений. Но если ее подозрения справедливы...

Что ж, она должна быть уверена. Особенно после того, как ЦРУ вмешалось в последнее расследование Мэгги. У прежнего, к слову, коррумпированного, директора могли остаться тайные агенты, которых не выявило расследование.

– Если бы ты действительно был снайпером, тебя бы не отправили в группу разминирования, когда ты поступил на службу в органы, – сказала Грейс. – Ты бы попал в спецназ.

– Но я мог подать прошение о смене деятельности.

Пальцы Гэвина постепенно ослабли на ее талии, и она выхватила у него ключи, проведя языком по внезапно пересохшим губам.

Она прищурила глаза. Действительно ли он пытается одурачить ее? И если так, то почему именно сейчас? Что ж, если он хочет вести эту игру, она знает его уязвимое место.

– Я видела тебя без одежды, Уолкер, – сказала она.

Она попала в цель. Карие глаза Гэвина потемнели, дерзость и нахальство исчезли без следа, и его лицо вдруг стало серьезным.

– У тебя на спине шрамы от пулевых ранений, – продолжала Грейс. – И не таких, что зашили в чистенькой опрятной больнице. А еще у тебя шрамы на ступнях. Я готова поспорить на все свои деньги, что, если я достану рентгеновские снимки, они покажут, что твои ступни испещрены микротрещинами в результате того, что тебя били резиновыми палками. И это если не говорить о пятнадцатисантиметровом шраме на твоей груди, очевидно оставшемся от операции после намного более давней, более страшной раны. Ведь когда они ловят шпионов, они пытаются их. И если ты очень хороший шпион, они просто-напросто продолжают бесконечно мучить тебя, потому что хороший шпион никогда не сдаст информатора.

– Хороший шпион никогда не попадется, – сказал Гэвин.

– Что ж, считай, что ты попался, – ответила Грейс.

– О, правда? – что-то грозное промелькнуло в его голосе, и Грейс почти затрепетала. Но вместо этого она потянулась к оружию.

– Ты служил в военной разведке. И это все объясняет. Ты ведь скользкий, увертливый. И ты умеешь втереться в доверие. Сладко стелешь, как говорят. Готова поклясться, ты мог запросто уговорить кого нужно сдать тебе информатора, так ведь?

– Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это, – сказал Гэвин, и на его лице снова появилась эта улыбка.

Он все еще пытался играть с ней.

В одно мгновение она выхватила и наставила на него пистолет. Его глаза распахнулись от неожиданности.

– Господи, Грейс, сначала закажи мне ужин, – протянул он.

У нее внутри закипела ярость. Он что, шутит? Сейчас?

– На кого ты работаешь? – твердо спросила Грейс.

– Я работаю на Харрисона, как и ты, – сказал Гэвин. Он глядел на нее так спокойно, словно в ее руках не было оружия.

– Чушь собачья. Думаешь, я идиотка? Шпионом был – шпионом остался, горбатого могила исправит. Так что говори, на кого ты работаешь. ЦРУ? Одна из вневедомственных организаций? Для чего ты здесь?

– Грейс. – Гэвин посмотрел на нее, его лицо было мрачным. – Я работаю на Харрисона. Я не из ЦРУ. И я не шпион.

Ей хотелось верить ему. Действительно хотелось. Но ЦРУ и их продажный директор были ответственны за попытку повлиять на ход последнего расследования Мэгги. Они послали наемных убийц за Джейком. Пол мог погибнуть. Маленькая девочка, которую Мэгги пыталась спасти, также могла умереть.

Она не станет рисковать своей командой.

– Такая работа – это навсегда, ее *невозможно* оставить, – сказала Грейс.

– Возможно, если они сочтут тебя негодным, – парировал Гэвин.

Грейс нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду?

Гэвин вздохнул.

– Можешь направить пистолет на что-нибудь другое, пока я объясняю?

Она опустила пистолет. Лишь немного.

– Боже, я должен был это предвидеть, – пробормотал Гэвин. – Я говорил Харрисону, что ему стоит проинформировать тебя. Ты права, я был разведчиком. И хорошим, Грейс. Я был *лучшим*. Четыре года я занимался тем, что должно было стать пожизненной службой, пускай моя жизнь и могла закончиться рано, ведь все-таки это опасная работа. На третьем году меня пырнули ножом. Ранение было серьезным, но я восстановился. По крайней мере, я так думал, – даже спустя столько лет в его голосе звучала горечь. – Я вернулся к работе, и некоторое время все шло гладко. Но потом мне стало трудно дышать. Будто слон сидел у меня на груди. Выяснилось, что на одном из сердечных клапанов образовалось до хрена рубцовой ткани. Проблема так себе, ничего серьезного, никакого риска для жизни, но это означало, что в вооруженных силах США мне больше не место. Это значило, что я буду лишь помехой. Я могу быть полицейским, могу быть агентом ФБР, но я не могу быть разведчиком. Тем, кем я был обучен быть. Потому что мне нужны лекарства, чтобы мое чертово сердце работало так, как должно.

Грейс знала: каждое слово, что он говорил, было правдой. Это было написано на его лице: откровенность, боль, разочарование. Ему было не по душе ограничивать себя. Это, должно быть, было настоящим адом, особенно когда он в первый раз вернулся домой. Не так ли появилось его чувство юмора? Помогал ли смех пережить боль и потерю?

– Я оставил все, к чему когда-либо стремился, – продолжал Гэвин. – Я отказался от всего этого. Я вернулся домой и попытался забыть. Я посвятил свою жизнь работе в полиции, и меня все устраивало, до определенного момента.

– Но тебе было нужно нечто большее, – догадалась Грейс.

– Я встретил Харрисона, и мы разговорились. Ему было известно мое прошлое. Он предложил мне работу.

Грейс глубоко вздохнула, ее щеки покраснели.

– Я... должно быть, погорячилась.

– Да что ты? Ты и в самом деле *не любишь* шпионов.

– Я не люблю сторонние организации, которые вмешиваются в дела ФБР, – ответила Грейс. – Когда в прошлый раз ЦРУ было вовлечено в одно из наших расследований, моя лучшая подруга едва не погибла. Так что, да, я в самом деле не люблю шпионов.

Взгляд Гэвина сиял откровенностью:

– Я предан ФБР, моей команде и людям, которых мы призваны защитить. Я клянусь.

Грейс посмотрела на него по-новому. Теперь, когда она поняла его, когда нашла недостающую часть головоломки по имени Гэвин Уолкер. Не просто полицейского. Не просто сына и брата. Не просто хорошего человека и патриота.

Проницательный, безоговорочно храбрый, всегда стремящийся защитить и помочь, своей готовностью жертвовать собой он мог бы превзойти даже мученика. Одним словом, он, несомненно, был выдающимся шпионом. Он был выдающимся детективом. И она знала, что он еще более преуспеет как агент ФБР. Потому что он был из тех людей, которые ставят цели и делают все, что в их силах, чтобы достичь их.

Грейс понимала это. Потому что и сама была такой же.

Он наклонил голову, глядя на нее так, словно она была произведением искусства. Она странно ощущала себя – желанной, почти что драгоценной. Ее злило то, как сильно ей нравилось это чувство, как оно накатывало на нее, словно теплые океанские волны.

– Ты охренительная женщина. Ум словно лазер. Ты попросту прешь сквозь любую ложь.

Наверное, это был самый приятный комплимент из всех, что она получала. Он испугал ее, привел в замешательство. Ее сердце неожиданно сжалось. Она привыкла слышать, что она красива. Умна. Что она хороший агент ФБР, талантливый писатель.

Но еще никто не хвалил ее прямоту. Большинство видели в ней недостаток. Большая часть мужчин считала именно так.

Иногда и она думала так же.

Бывали моменты, когда она мечтала быть мягче. Проще в отношениях с людьми. Не такой честной. Более доверчивой. Но она была другой. Чтобы измениться, ей бы пришлось потерять себя. Такое уже случилось однажды, и она никогда не позволит этому повториться.

Но он был здесь, прямо перед ней, и он смотрел на нее так, будто Грейс, *настоящая* Грейс, была самой притягательной и желанной на свете. От его чуткости и одобрения что-то чудесное и робкое расцвело у нее в груди.

– Я не люблю ложь. – Она пожала плечами, отказываясь разбираться в этом новом... чувстве.

Она бросила ему ключи, он завел мотор, выехал обратно на дорогу и направился в сторону района, где она жила.

– Это поэтому ты никогда не перезваниваешь? – спросил он.

– Гэвин...

– В смысле, да ладно, ну как ты можешь игнорировать такого парня, как я? – Он улыбнулся своей саркастичной, притворно скромной улыбкой, полной мальчишеского очарования. Она, вероятно, выручала его с детства. И, несомненно, она была одной из причин, почему Грейс оказалась в его постели – она питала слабость к мужчинам с обезоруживающей улыбкой.

– Это было нелегко, – сказала она сухо. – Но это к лучшему.

– Я бы так не сказал, – мягко произнес Гэвин.

– Гэвин, это была всего одна ночь, – терпеливо говорила Грейс, пытаюсь не замечать, как воспоминание обжигало ее кожу. Да, то была жаркая, незабываемая ночь, которая уже два года занимала ее мысли и мечты. Но это не важно. Она не должна придавать этому значение. Она не может позволить ему сбить себя с толку. – Ты взрослый человек. У тебя и раньше были отношения на одну ночь. Не веди себя так, будто не было.

– Возможно, в этот раз я хочу чего-то большего, – ответил Гэвин, его глаза потемнели, когда он посмотрел на нее. – Ты определенно не обычная женщина, Грейс.

Она усмехнулась.

– Не бывает обычных женщин. Каждая из нас уникальна. И даже не пытайся нести эту чушь про «ты не такая, как другие девушки». Ты выше этого.

Это было правдой. Их недолгое знакомство тем не менее не сводилось только к сексу. Хотя, боже, он определенно был умопомрачительным.

Пока они ехали по улицам Вашингтона, Гэвин и Грейс погрузились в молчание, но оно не было неловким и тягостным. Гэвин остановил машину у дверей ее дома.

Она расстегнула ремень безопасности.

– Увидимся завтра? – Она лишь хотела быть вежливой, но ее слова прозвучали робко, почти с надеждой.

– Завтра, – подтвердил он.

Она вышла из внедорожника и уже закрывала дверь, когда он наклонился вперед:

– Грейс?

Она обернулась.

– То, как ты наставила на меня пистолет? – На его лице была прежняя лукавая улыбка. – Намного сексуальнее, чем должно было быть.

Она рассмеялась, не в силах сдержаться.

– Спокойной ночи, Гэвин.

Он подождал, пока она зайдет в дом, прежде чем уехать. А Грейс бросила сумочку и красный плащ в прихожей и принялась рассеянно вытаскивать шпильки из переплетенных кос, уходя в глубь дома.

Утром она непременно уточнит у Пола военное прошлое Гэвина, однако она знала: он не врал ей и не шпионил за командой. И его военная подготовка, скорее всего, окажется очень полезной, ведь она подразумевает хладнокровие и умение думать своей головой, которые есть далеко не у каждого.

Уже приготовившись ко сну, Грейс сосредоточилась на мыслях о Дженис Вакомб и предстоящем расследовании. И, как и прежде, пока она перебирала в уме факты и детали места преступления, ее не оставляло чувство, что что-то было не так.

Она закрыла глаза и представила тело Дженис. Место преступления врезалось ей в память, как и все предыдущие.

Толстовка. Поношенные легинсы и кроссовки. Волосы собраны в хвост. На лице нет косметики.

Грейс вызывала в памяти одну картинку за другой, следуя по воображаемому списку. Что-то было не в порядке. Не на своем месте.

Серьги.

Ее парализовало, словно от удара молнии. Она вспомнила, как в свете прожекторов блеснули бриллиантовые гвоздики, наполовину закрытые выбившимися из хвоста прядями волос.

Кто надевает бриллиантовые серьги на пробежку? Точно не женщина, одетая так, как Дженис. Они были слишком большими, по меньшей мере карат каждая, выполненные в желтом золоте. Слишком дорогие украшения для практичной женщины, особенно если она не

любит бриллианты. Обручальное кольцо с сапфиром на пальце Дженис подсказало Грейс, что та ценила душевность и любила насыщенный цвет. А не статус, который подчеркивают бриллианты.

Грейс нахмурилась, забираясь в постель, мысленно наметив спросить о них утром Зоуи. Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

Глава 6

Когда в шесть утра зазвенел будильник, Грейс ничего не хотелось так сильно, как швырнуть его через всю комнату. Или сотню раз ударить по кнопке отключения.

Она вернулась домой уже после двух ночи. Ей потребовалось добрых двадцать минут, чтобы распутать волосы, но она знала, что пожалеет, если заснет с хаосом из кос на голове. Еще десять минут ушло на то, чтобы смыть макияж, прежде чем затащить себя под душ. Пару раз она почти задремала под успокаивающим потоком горячей воды, но сумела вытащить себя из ванной и рухнуть на кровать. Она заснула почти сразу, глубоко, но некрепко. Ей снилось, что она убегает от кого-то, снились бриллиантовые серьги и мятые розы.

Хлопнув по нему с силой, она выключила будильник, вскочила с постели, оставив мягое лавандовое льняное одеяло в изножье кровати с балдахинном.

Ее особняк был построен в 1920-х, его украшала изящная отделка в стиле ар-деко, а в полукруглых нишах хранились ее излюбленные предметы из коллекции произведений искусства, которую Грейс унаследовала от бабушки, и те, что она приобрела самостоятельно. Маленькая коллекция, что она начала собирать после успеха первой книги, не могла даже сравниться с тем, что перешло ей по наследству от Грейс-старшей. Большую часть она сдала в аренду музеям, поскольку не считала себя в праве прятать от публики столь прекрасные и значимые произведения искусства. Но несколько предметов, ее любимцев из детства, она держала дома. Небольшой мобиль Колдера, один из самых ранних, она повесила в столовой. Серия набросков Дега с балеринами украшала прихожую. В гостевой комнате висело три ранних портрета знаменитостей работы Энди Уорхола. Грандиозный Джексон Поллок, один из фаворитов ее бабушки, привнес дерзкий, яркий цвет в полностью белую гостиную.

Грейс нажала на кнопку на стереосистеме и прошла на кухню, дом наполнился чарующими звуками трубы Майлза Дэвиса. Она достала из холодильника бутылку зеленого сока, коробку яиц, немного шнитт-лука и красный перец. Подпевая, она умело разбила в миску яйца и нарезала кубиками овощи.

Читая новости на планшете, она ела омлет и старалась пить зеленый сок без гримасы отвращения: и почему эта гадость так полезна? Вкус ужасный. Ей было все равно, что говорят хипстеры в Хоул Фудс, это было все равно что глотать жидкую траву.

Убийство Дженис просочилось в газеты – всего несколько строк в криминальной колонке, где говорилось, что у полиции пока нет зацепок.

Она проверила телефон, но сообщений не было. Ее ждали в офисе к десяти. Вместе с Полом, Зоуи и криминалистами они должны были обсудить вещественные доказательства.

Гэвин тоже будет там. Она старалась не замечать, как при этой мысли что-то слегка сжималось у нее в животе, но чем чаще это происходило, тем труднее становилось не обращать на это внимание.

Не то чтобы она думала, что никогда больше не увидит его. Они оба работали в правоохранительных органах, их работа, друзья, круг общения рано или поздно должны были пересечься. Еще до их первой встречи она много раз слышала его имя, всегда произносимое с восхищением, зачастую с тенью зависти, порой даже от мужчин, с которыми она была в отношениях. И когда они встретились, она наконец поняла почему.

Она впервые увидела его на балу полицейского управления, где присутствовала по просьбе старого друга, отставного капитана, у которого в последний момент заболела жена. Ему пришлось рано уйти, и Грейс оказалась одна, правда, ненадолго.

Он не говорил банальностей и не нес сальной ерунды, как делали столь многие мужчины. Он лишь протянул руку и произнес:

– Не хотите потанцевать?

И затем он улыбнулся. Неожиданно для самой себя она приняла его приглашение, ни на секунду не задумавшись, и закружилась в его объятиях по танцевальному залу.

Если бы она была женщиной, верящей в сказки, она бы решила, что та искра, которую она почувствовала, когда их взгляды встретились, была предзнаменованием. Что чарующая ночь приведет к жизни, полной волшебства.

Но она была реалисткой во всех отношениях. И несмотря на то что ночь с ним была сногшибательной, она ушла на следующее утро.

Она была не из тех, кто оставляет после себя хрустальную туфельку – или ее современную версию. Поэтому, когда он позвонил, она не взяла трубку. И будучи учтивым мужчиной, он понял намек.

Встреча с ним напомнила ей, что где-то в глубине какая-то маленькая, ничтожная часть ее естества хотела, чтобы она ответила на тот звонок. Но эти мысли были лишними, особенно сейчас, когда ей предстояло работать вместе с ним.

На планшете высветилось напоминание: «Вт КОНСУЛЬТАЦИЯ ДОРОТИ 8.30».

Грейс посмотрела на время, благодарная за повод сбежать от воспоминаний. Если она не поторопится, то опоздает.

Она была волонтером со времен учебы в частной школе – это выгодно смотрелось в анкете при поступлении в колледж, – но та работа, что одобряли ее родители и учителя, не имела ничего общего с тем, чем она занималась сейчас. Консультирование трудных подростков из неблагополучных семей было сложным, но оттого только более благодарным делом. И оно давало ей возможность по-иному применять степень по психологии.

Грейс проводила групповые и индивидуальные встречи, работая с детьми, которым едва исполнилось десять. Большинство из них видели и испытали слишком много за свою короткую жизнь. Сексуальное насилие. Отказ родителей и тюремное заключение. Смерть. Зависимость.

С каждым днем, проведенным в консультативном центре, она все сильнее верила в крепость человеческого духа. Детям, осторожным, потерявшим доверие к взрослым, она нравилась редко, но это не значило, что она не могла им помочь.

Консультативный центр Хермана находился на востоке Вашингтона. Небольшое приземистое серое здание не привлекало взгляд, но оно было прибежищем для детей, которым больше некуда было обратиться. В восемь двадцать Грейс влетела внутрь через двойные двери, вздохнув с облегчением, что успела. Индивидуальную встречу важно было начинать вовремя, опоздание могло быть неверно истолковано ребенком, он мог решить, что не важен для нее, что он не стоит ее времени. И девочка, с которой она встречалась сегодня, испытала бы это ужасное ощущение самым нутром и настроилась бы враждебно.

Шейла, директор, беседовала с администратором Джессикой, когда Грейс вошла. Обе женщины, улыбаясь, посмотрели на нее.

– Грейс, рада видеть тебя, – сказала Шейла.

– Я не смогла сегодня принести кофе, – извинилась Грейс. Она любила приносить что-нибудь для персонала, ведь они так упорно трудились. – Я получила дело поздним вечером, это совершенно расстроило мое расписание.

– Разве не вчера вечером была твоя церемония награждения? – спросила Джессика.

– Вчера. Поверь мне, там было столько народу – никто не заметил, что я ушла рано.

Шейла засмеялась:

– Грейс! Ведь ты была почетным гостем!

– Ладно, может быть, несколько человек заметили мое отсутствие, – призналась Грейс. – Но там было так много шампанского и еды, я уверена, они быстро обо мне забыли.

Шейла покачала головой, взяла со стола папку и заткнула ее под мышку.

– Ты такая смешная, Грейс, – сказала она. – Предпочесть место преступления коктейльной вечеринке.

– Вы меня знаете, – ответила Грейс с улыбкой.

– Ты идешь? Дороти ожидает тебя в зале для детей.

– Как она? – спросила Грейс, понизив голос, чтобы их никто не услышал.

– Кажется, пока что ее мать держится подальше от своего жестокого парня, – ответила

Шейла. – Когда он рядом, девочка проводит здесь почти каждый вечер.

– Это потрясающая новость, – обрадовалась Грейс.

– Но оценки остаются проблемой, она по-прежнему проваливает математику и историю.

Грейс вздохнула.

– А она такая умная.

– И не говори, – согласилась Шейла. – Она набирает максимальное количество баллов на тестах. У нее попросту нет веры в себя. Она говорит, что только те, кто собирается в колледж, должны стараться в школе.

Грейс покачала головой:

– Я отправлю эту девочку в колледж, чего бы мне это ни стоило, – поклялась она.

– Ловлю на слове, – улыбнулась Шейла. Она посмотрела на часы. – Думаю, тебе пора идти.

– Спасибо, Шейла, – крикнула через плечо Грейс, поспешив по коридору к комнате с партами, стульями и шатким столом для настольного футбола со стопкой книг под одной из ножек. Высокая темноволосая девочка с вечно хмурым лицом и по меньшей мере шестью дырками в ушах угрюмо сидела на одном из полинялых диванов и читала толстую книгу. Ее джинсы были неопрятно заправлены в армейские ботинки, неоновго-голубые шнурки казались еще ярче на фоне потертой черной кожи.

– Привет, Дороти!

Дороти оторвала глаза от книги, вид у нее был унылый.

– Пора начинать? – спросила она.

– Прошу сюда. – Грейс махнула в сторону коридора, по обеим сторонам которого располагались комнаты для индивидуальных занятий.

Они расположились во второй по счету комнате: Грейс – в одном потертом красном кресле и Дороти в таком же напротив. Грейс достала кожаную папку, в которой хранила записи. Она уже несколько раз встречалась с Дороти: девочка выросла в неблагополучной семье и не единожды сбегала из дома. В прошлом году был инцидент с наркотиками. Дороти настойчиво утверждала, что больше не принимает, и тесты ничего не выявили, поэтому центр дал ей шанс изменить свою жизнь к лучшему.

– Как дела? – спросила Грейс, снимая колпачок с ручки.

Дороти пожала плечами.

– Все по-старому. Шейла достает меня, как обычно.

– Шейла заботится о тебе.

Девочка фыркнула.

– Да, мэ-э-эм, – протянула она.

– Когда мы общались в прошлый раз, дела у твоей мамы шли на лад. Ничего не изменилось?

Она пожала плечами.

– Все нормально, я думаю.

– Рэнди вернулся? – спросила Грейс, имея в виду бойфренда (к счастью, бывшего) ее матери.

– Пока нет. Но это лишь вопрос времени.

– Ты считаешь, они сойдутся снова? – Грейс и сама знала ответ, но ей было любопытно, что скажет Дороти.

– Они всегда сходятся. Он вернется. Она примет его. Она всегда принимает его, что бы он ни сделал.

– А ты не хочешь, чтобы он вернулся в вашу жизнь, – сказала Грейс.

– А вы бы хотели бьющего женщин урода в *вашей* жизни? – Дороти смотрела испытующе, она плотно сжала губы, словно пыталась не дать вырваться наружу чувствам.

– Нет, не хотела бы.

– Если он когда-нибудь переключится с мамы на Джейми, я убью его, – пробормотала Дороти.

Джейми был ее сводным братом, одним из того небольшого, что заставляло лицо Дороти просветлеть. У Грейс сложилось впечатление, что в основном именно она занималась воспитанием мальчика, ее мать была слишком пьяна, слишком забита или попросту слишком уставшей, чтобы следить за еще одним ребенком.

– Или же ты можешь позвонить в полицию? – предложила Грейс.

Дороти засмеялась, ее резкий прерывистый смех сказал все о том, как она смотрела на мир, как ее заставили на него смотреть.

– Копам наплевать на людей вроде нас, – сказала она.

– Это не так. Я коп. И ты мне небезразлична.

– Вы не настоящий коп, – усмехнулась Дороти. – Вы дорогой профайлер в дорогой одежде. Вы не арестовываете людей за то, что они бьют своих женщин.

– Иногда арестовываю. Раньше я работала над делами о домашнем насилии.

– Нельзя помочь тому, кто этого не хочет, – монотонно протянула Дороти, словно это была заученная фраза, которую она услышала где-то или прочитала. – Моя мама – свой злейший враг. Она влюблена. Такая любовь – когда тебя бьют – по-моему, это очень глупо.

– Ты уже помогаешь маме. Ты заботишься о Джейми. Ты продолжаешь ходить в школу, хотя, я знаю, тебе не хочется, потому что ты обещала ее закончить. Ты можешь обеспечить себе лучшую жизнь, Дороти.

Девочка снова фыркнула и заерзала в кресле, стараясь не встречаться с Грейс взглядом.

– Вы это знаете благодаря всяким профайлерским штукам?

– Я знаю это, потому что общалась с тобой, – сказала Грейс. – Потому что Шейла и я, мы верим в тебя. И потому, что очевидно, что ты не хочешь упустить возможности, которые даются тебе. Иначе ты бы не появлялась на консультациях.

– Не преувеличивайте. Я здесь только потому, что тут лучше, чем дома.

У Грейс укололо сердце. Дороти была такой умной девочкой. Иногда, смотря на нее, Грейс видела другого обозленного и горящего подростка. Того, каким была она сама, когда покидала частную школу и начинала учебу в колледже, отвергнутая родителями, ищущая любого утешения и поддержки.

Но если у Грейс был достаток, были возможности, Дороти не имела ничего. Никого, кто бы оценил ее ум, никого, кто бы поддержал и приободрил, кто бы укрепил ее веру в себя.

Вот почему Грейс посвящала так много времени центру. Пускай она и была одинока, но была рождена в привилегированной среде, и все дороги были для нее открыты. Любая дверь в мире была распахнута перед ней, и она понимала, как это было ценно. Работа с детьми была для нее одним из способов отплатить за это. Потому что такие девочки, как Дороти, заслуживали те возможности, которые Грейс могла предоставить им.

– А где вы всему этому научились? – спросила Дороти тем томным голосом, каким говорят подростки, когда им действительно интересно, но они не хотят, чтобы это понял тот, кому они задают вопрос.

– Профайлингу? – спросила Грейс, завладевая ее любопытством.

– Ну да, это как, ну, чтение мыслей и все такое?

Грейс рассмеялась.

– Чтение мыслей? Хотелось бы! Это бы сильно упростило мою работу. Я получила степень бакалавра по психологии и криминологии, а затем магистра по психологии и в то же время писала докторскую по криминологии.

– Как много учебы. – Дороти покачала головой.

– Я всегда любила учиться. Между нами, я была ботаником.

На угрюмом лице Дороти, обычно таком унылом и апатичном, появилась натянутая улыбка.

– В общем-то могу представить, – сказала она. – Готова поспорить, девочки вроде меня задирали вас.

Грейс не хотелось говорить Дороти, что в престижной частой школе, где год обучения стоил сто тысяч долларов, не было таких девочек, как она.

– Да, было несколько таких. Но я бы не смогла попасть на эту работу только лишь благодаря прилежной учебе, – объяснила Грейс. – Когда дело касается таких тонких областей, как, например, профайлинг или переговоры при захвате заложников, нужно иметь склонность к этому. Врожденную предрасположенность.

– Как вы поняли, что у вас она есть? – спросила Дороти.

Хотя обычно Грейс не решалась говорить о себе, это был первый раз, когда Дороти проявила живой интерес к чему-то, кроме возможности как можно раньше ускользнуть с консультации. Это дало Грейс искорку надежды: если девочка заинтересовалась профайлингом, то он может послужить поводом сблизиться с ней и приободрить ее.

Может быть, мечта отправить ее в колледж не была такой уж несбыточной.

– Профайлинг – это во многом умение подмечать детали и мелочи, которых не видят другие. Мы смотрим глубже, в сердца людей.

– То есть влезаете им в душу? – спросила скептически Дороти.

– Скорее им в голову, – сказала Грейс. – Посмотри на меня. Что ты видишь?

– Дорогая одежда, длинные волосы, вам нужно сделать маникюр.

Грейс пришлось сдерживать улыбку, вызванную простотой этого подростка.

– Хорошо. Для начала неплохо. Но что это все говорит обо мне?

Дороти нахмурилась, задумавшись.

– Модная одежда означает, что вы, наверное, богаты, правильно? Может быть, вы не отстригаете волосы, потому что вы девушка, но на совсем не девчачьей работе. Так что это вроде как ваша фишка. Оставаться девушкой. Напоминать людям, что вы не просто одна из тех парней. И готова поспорить, некоторых это сбивает с толку, то, что вы такая красивая, но такая умная. Люди всегда думают, что красивые девушки глупые, как будто они не могут быть умными. А маникюр... У вас, вероятно, нет времени. Вы едва не опоздали сегодня, а вы никогда не опаздываете. Вы были заняты. Возможно, там у вас в ФБР. Убийство или вроде того?

Грейс была впечатлена, но не особенно удивлена. Дороти повидала многое, она умела выживать – ее жизнь в неблагополучной семье научила ее разбираться в людях для того, чтобы оставаться в безопасности и защищать младшего брата.

– Великолепно, Дороти. Во мне много девчачьего, и мне нравится ходить с длинными волосами, потому что так я чувствую себя женственно в сфере, где преобладают мужчины. Правоохранительные органы все еще остаются мужским клубом. Вот почему, как женщина, я хочу привлечь в эту сферу так много талантливых женщин, как только возможно. И я пропустила три сеанса маникюра и педикюра в прошлом месяце. Едва ли ты захочешь видеть мои ноги. Хуже, чем у варана.

И вот еще одна едва уловимая улыбка промелькнула на мрачном лице девочки. Прогресс! Наконец она нашла что-то, что поможет сблизиться с ней. Грейс была в восторге. И все же Дороти была крепким орешком.

– Вы думаете... Я хочу сказать, я знаю, это звучит глупо, но как вы думаете, я смогу этим заниматься? Тем, что вы делаете?

– Несомненно, – сказала Грейс, уверенная в своих словах на сто процентов. – Дороти, ты умная молодая женщина. Единственная причина, по которой ты получаешь плохие оценки, в том, что ты не стараешься. И ты упрямая. Если ты будешь усердно учиться и получишь диплом, я напишу для тебя рекомендательное письмо в Куантико, там готовят агентов ФБР. Я не могу обещать, что ты поступишь, но если ты будешь все делать правильно, учить нужные предметы и получать хорошие отметки, я удивлюсь, если они не примут такую, как ты.

– Они примут? И вы сделаете то, о чем говорите? – спросила Дороти, ее темные глаза смотрели с недоверием. Очевидно, прошло много времени с тех пор, как кто-то что-то предлагал ей, и без каких-либо условий.

– Как я сказала, я хочу, чтобы в правоохранительных органах работало как можно больше умных, одаренных женщин. Это поможет нам всем. Ты идеально соответствуешь всем требованиям.

Девочка настороженно посмотрела на нее.

– Я верю в твой потенциал, – добавила Грейс. – Нам просто нужно, чтобы ты оказалась в таком месте, где ты поверишь в себя.

– Звучит как надпись на мотивационном плакате, – фыркнула Дороти, но на ее лице была улыбка.

Грейс рассмеялась.

– Они бывают полезны, – сказала она.

Таймер просигналил об окончании их занятия. Дороти вздохнула и встала с кресла, на ее лицо вернулась маска отстраненности. Она не могла позволить себе слишком сильно полагаться на надежды, ей приходилось возвращать себя с небес на землю самостоятельно, прежде чем это сделает кто-нибудь другой.

– Спасибо, что поговорили со мной обо все этом. Пожалуй, звучит круто.

– Я говорила серьезно, – сказала Грейс. – Мы еще обсудим это на следующем сеансе, хорошо?

– Как скажете, – пожала плечами Дороти. – Пока.

Она выскользнула за дверь. На секунду Грейс задержала взгляд на опустевшем кресле. Это могло стать поворотным моментом для Дороти. Ей лишь нужно воспитать веру в себя, которую отняла у нее жестокость, царившая в ее жизни. Обратиться в центр было первым шагом, а проявить интерес к будущему – вторым. Однако самым трудным будет третий – осознать, что она может иметь это будущее, преодолеть болезненные разговоры о детстве и наконец стать свободной.

Столь многие не добираются до третьего этапа, но Грейс была уверена, что Дороти сумеет. Даже если этот жестокий ублюдок, бойфренд ее матери, вернется, чтобы превратить ее жизнь в еще больший хаос.

– Удачно? – спросила Шейла, когда Грейс направлялась к выходу из центра.

– Да. Думаю, у нас случился маленький прорыв.

Морщинистое лицо Шейлы просветлело:

– Это потрясающе! И она стала больше общаться с другими детьми. Она проводит не так много времени с подростками ее возраста, но отлично справляется с теми, что младше. Они любят ее.

– Думаю, у нас может быть еще одна счастливая история, – сказала Грейс. У нее завибрировал телефон, и она порылась в сумочке, чтобы найти его. – Господи, я никогда не могу

ничего найти в этой сумке, – пробормотала она, наконец выудив телефон из-под кошелька. Она увидела, что звонит Пол. – Шейла, это мой начальник. Мне надо идти. Увидимся?

– Пока, Грейс. Спасибо тебе.

Грейс помахала рукой, ответила на звонок и, толкнув двойные двери, вышла на улицу, залитую солнцем. Становилось жарко, она стянула с себя пиджак и перебросила его через руку.

– Да, Пол, я уже еду.

– Планы изменились, – сказал он. – Ты ведь в консультативном центре?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.